

INSPIRIA

АЛЕКСАНДР МакКОЛЛ СМИТ

*Уникальный жанр:
сканди-бланк*

ТАЛАНТЛИВЫЙ ГОСПОДИН ВАРТ

INSPIRIA

Детектив Варг

Александр МакКолл Смит
Талантливый господин Варг

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

МакКолл Смит А.

Талантливый господин Варг / А. МакКолл Смит — «Эксмо»,
2020 — (Детектив Варг)

ISBN 978-5-04-116144-6

Господин Варг снова по уши погряз в деликатных расследованиях! Во второй книге серии автор вновь от души иронизирует над жанром полицейского детектива, умело создавая уникальный коктейль из двух популярных скандинавских жанров — нуара и хюгге-литературы. Отдел деликатных расследований известен тем, что берет на себя самые странные дела. Ульф Варг, настоящий лидер и лучший детектив отдела, всегда готов к расследованию, каким бы сложным оно ни было. Поэтому, когда к Ульфу приходит девушка популярного писателя Нильма Седерстрема, которая уверена, что его шантажируют, Ульф полон решимости помочь. Хотя непросто понять какие скелеты скрываются в шкафу талантливого плохиша. Дело требует полнейшей сосредоточенности, но Ульф понимает, что его отвлекает сомнительная политическая карьера брата, а также его собственное растущее влечение к своей замужней коллеге Анне. Вдобавок Ульфу еще и поручено разыскать группу торговцев, нелегально экспортирующих волков... Отделу деликатных расследований опять некогда скучать! «МакКолл Смит обладает большим талантом, заставляя вас отказаться от привычных жанровых ожиданий и принять его истории и персонажей такими, какие они есть». – Kirkus Reviews

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-116144-6

© МакКолл Смит А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая. Увеличенные поры	7
Глава вторая. В защиту стереотипов	14
Глава третья. Цемент мафии	23
Глава четвертая. Натуральная имитация кожи	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр МакКолл Смит

Талантливый господин Варг

© Ильина Е., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

* * *

Глава первая. Увеличенные поры

Ульф Варг, что из отдела деликатных расследований, вел свой серебристо-серый «Сааб» в пейзаже, где все расстояния были невелики. Направлялся он в один из сельских оздоровительных центров, на психотерапевтическую группу, и поездка в «Саабе» – подумалось ему – вполне могла считаться частью терапии. Вокруг него раскинулась Южная Швеция: местность, сплошь поделенная на фермерские хозяйства, переходившие из поколения в поколение в одном и том же роду. Здесь и там – белые точки на зеленом фоне – виднелись дома тех, кто возделывал эту землю. Люди это были оседлые и памятливые, если не сказать злопамятные; их метафорический кругозор заканчивался там, где небо встречалось с землей – порой до горизонта было подать рукой; они редко куда выезжали, да и не имели особого желания куда-то ездить.

Он задумался об образе жизни этих людей, таком отличном от того, что он вел в Мальмё. Здесь не было никаких срочных дел; не было нужды выполнять поставленные перед тобою задачи, писать рапорты и отчеты. Не было разговоров о входящих и исходящих, о культуре коммуникации. Люди здесь по большей части работали на себя – и ни на кого другого; они знали, что скажут их соседи по тому или иному поводу, потому что слышали это уже много раз, и было это привычно, точно погода. Они в точности знали, кто кому нравится, а кто – нет; знали, кому не приходится доверять; кто как поступил, пускай даже и многие годы назад, и какие были последствия. Служить в полиции здесь, должно быть, нетрудно, подумал Ульф: секретов здесь не водится. О преступлении становится известно чуть ли не до того, как его совершат, да и сами преступления можно по пальцам пересчитать. Люди здесь сплошь законопослушные конформисты и ведут праведную – ни шага влево, ни шага вправо – жизнь до самой могилы. И они в точности знали, где будет находиться эта самая могила: там же, где лежат их родители и родители их родителей.

Ульф опустил окно и полной грудью вдохнул деревенский воздух, в котором чувствовались какие-то цветочные нотки: дрок, должно быть, подумал он, или вот эти цветущие деревья в саду, тянувшемся вдоль обочины. Он не слишком разбирался в деревьях и никогда не мог толком вспомнить, чем одно плодородное дерево отличается от другого, хотя ему помнилось, что в этих местах выращивали яблоки – или это были персики? Как бы то ни было, деревья стояли в цвету, хотя – насколько он слышал – и позднее обычного, потому что в этом году весна в Швецию пришла с запозданием. Если вдуматься, запаздывало в этом году абсолютно все – в том числе и продвижение по службе. Ульфу было сказано – неофициально, – что в отделе деликатных расследований его ждет повышение. Сказано это было уже несколько месяцев назад, а воз был и поныне там.

Глупо было заранее тратить предполагавшуюся прибавку к жалованью на новую мебель в гостиную – тем более с обивкой мягкой флорентийской кожей. Это была экстравагантная трата, и, поскольку жалованье осталось прежним, Ульфу пришлось в конце концов перевести нужные средства со своего сберегательного счета. Ему это было совершенно не по душе, поскольку он дал себе обещание не залезать в отложенные средства до тех пор, пока ему не исполнится шестьдесят, а до этого момента оставалось еще ровно двадцать лет. Но двадцать лет – это долгий срок, и кто знает, доживет ли он вообще до этого времени.

Вообще-то Ульфу было несвойственно предаваться меланхолическим размышлениям об участии смертных. Он не был всемогущ; его работа состояла в том, чтобы защищать одних людей от других, которые так или иначе желали причинить вред этим первым; в том, чтобы бороться с преступностью, пускай и на довольно странном конце криминального спектра. Ульф решил про себя, что он не может взвалить на свои плечи все беды этого мира. Да и кто бы смог? Ульфа нельзя было назвать равнодушным, безответственным гражданином, бездумно сеющим

повсюду пластиковые пакеты. Он заботился о том, чтобы оставлять как можно меньший углеродный след – если не считать «Сааба», конечно, который все-таки потреблял ископаемое горючее, а не электричество. Но если не принимать «Сааб» в расчет, то Ульфу не было нужды тушеваться в разговоре с поборниками экологии, в том числе – с коллегой Эриком, который мог бесконечно распространяться о рыболовных квотах и который каждые выходные всячески старался выловить все, что оставалось после этих самых квот. Эрик никогда не забывал добавить, что он выпускает на волю каждую пойманную рыбу, но Ульф как-то указал ему, что рыба в этой ситуации наверняка получает психологическую травму и, скорее всего, прежней ей уже не бывает.

– Для рыбы это очень серьезно – быть пойманной, – сказал он тогда Эрику. – Даже если ты ее отпустишь, она уже никогда не будет чувствовать себя в безопасности.

Эрик отмахнулся от этого предположения, но было ясно, что замечание Ульфа попало в цель. И Ульф немедленно пожалел о своих словах, потому что Эрика вообще было очень легко сбить с толку. Эриком быть и так достаточно тяжело, размышлял Ульф, и без того, чтобы терпеть критику от таких, как я. Ульф был человеком добрым, и пускай разговоры Эрика о рыбе и были немалым для него испытанием, все равно – считал он – их нужно терпеливо выслушивать; и, может даже, узнавать что-то для себя новое; хотя вот это последнее – вряд ли, прибавил про себя Ульф.

И все же, едуци в «Саабе» по тихой сельской дороге, Ульф размышлял не об экологии и не о долгосрочных перспективах, лежащих перед человечеством, а о неловкой ситуации, сложившейся в ходе одного из расследований отдела. Как правило, отдел деликатных расследований не брал на себя рутинных дел, предоставляя разбираться полиции на местах. Но временами случалось, что политический либо социальный аспект какого-либо – в остальном совершенно обычного – дела означал, что оно переходит в руки отдела. Это конкретное дело касалось легких телесных, нанесенных неким лютеранским пастором: он расквасил потерпевшему нос на глазах у, по крайней мере, пятнадцати свидетелей. Одно это само по себе уже было необычно, поскольку лютеранские пасторы не слишком часто фигурируют в криминальных сводках, но внимание отдела деликатных расследований привлекла не столько личность преступника, сколько его жертвы. Пострадавший нос принадлежал предводителю цыганского табора.

– Охраняемый вид, – заметил Карл, коллега Ульфа.

– *Tattare*¹, – пробормотал себе под нос Эрик и нарвался на резкую отповедь их общей коллеги Анны, которой лучше всех них, вместе взятых, были известны границы дозволенного.

Заведя глаза к потолку, она сказала:

– Они – не варвары, Эрик. Они – *Resande*², кочевое национальное меньшинство.

Ульф решил разрядить обстановку.

– Эрик имеет в виду варварское поведение людей, – сказал он, – которое приводит к подобным инцидентам.

– Вот только наверняка он это заслужил, – пробормотал себе под нос Эрик.

Ульф решил это проигнорировать и принялся разглядывать фотографии замешанного в деле носа. Снимки были сделаны в травматологическом отделении местной больницы, и видно было, что из левой ноздри все еще сочится кровь. В остальном нос был ничем не примечательный, хотя Ульф не мог не заметить, что поры по обе стороны ноздрей были слегка увеличены.

– Тут какие-то странные отверстия, – сказал он, поднимаясь с места и передавая папку Анне, чей стол – из четырех, находившихся в кабинете, – стоял ближе всего. – Только посмотри, в каком состоянии кожа у этого бедняги.

¹ *Tattare* (шведск.) – букв.: «бродяга»; шведское название цыган, носящее пренебрежительную окраску.

² *Resande* (шведск.) – букв.: «путешественники»; шведское название цыган, не носящее пренебрежительной окраски.

Анна внимательно изучила фотографию.

– Увеличенные поры, – сказала она. – Жирный тип кожи.

Карл, который писал отчет, поднял глаза от бумаг.

– Интересно, нельзя ли что-нибудь с этим поделать? – осведомился он. – Иногда я смотрю в зеркало – то есть, если разглядываю нос, очень пристально – то вижу маленькие такие дырочки. И думаю, что же это такое.

Анна кивнула.

– Да то же самое – и это совершенно нормально. Они появляются в тех местах, где кожа жирнее. Работают как своего рода дренаж.

Карл был заинтригован. Бессознательным движением он поднял руку к лицу и потрогал нос.

– А можно ли что-нибудь с этим поделать?

Анна передала папку обратно Ульффу.

– Мой лицо, – ответила она. – Используй средства для очистки кожи. А еще, в особых случаях, можно приложить к ним кусочек льда. Поры стянутся и станут менее заметными.

– О, – произнес Карл. – Лед?

– Да, – сказала Анна. – Но самое важное – это держать кожу в чистоте. Я так понимаю, макияж ты не носишь...

Карл улыбнулся.

– Пока нет.

На это Анна заметила, что некоторые мужчины носят макияж.

– В наше время можно краситься как тебе угодно. В кафе через дорогу ходит один мужчина – вы замечали? Он румянится – и довольно густо. Ему надо быть поосторожнее – если не смывать макияж достаточно тщательно, можно забить себе поры.

– И чего это ему вздумалось краситься? – спросил Карл. – Представить себе этого не могу – мазать лицо какими-то химикатами.

– Потому что ему хочется выглядеть как можно лучше, – сказала Анна. – Люди, как правило, выглядят вовсе не так, как им хочется. Грустно, наверное, но такова жизнь.

– Очень странно, – сказал Ульф, но думал он при этом скорее о расследовании, а не о косметике.

Виновного в нападении на цыгана должны были привлечь к ответственности – быстро и без особых осложнений. Если бы не тот факт, что ни один из пятнадцати свидетелей не собирался давать показания. Четверо сказали, что в нужный момент смотрели в другую сторону; еще пятеро уверяли, будто во время столкновения глаза у них оказались закрыты – один даже заявил, будто он спал; а остальные сказали, что ничего не помнят и сомневаются, имел ли вообще место подобный инцидент. В итоге остались только показания пострадавшего – и лютеранского пастора. Пострадавший без тени сомнения описал то, что случилось: он занимался своими делами на городской площади, когда вдруг к нему подскочил незнакомец в пасторском облачении и ударил его прямо в нос. Это, конечно, случилось потому, заявил он, что он – пострадавший – принадлежал к кочевому меньшинству. «Мы уже привыкли к подобному обращению со стороны оседлых общин. Они завидуют нашей свободе».

Что же до пастора, то он уверял, будто ему ни с того ни с сего преградил дорогу совершенно незнакомый ему человек, который оживленно, но абсолютно невнятно о чем-то толковал, и был настолько этим увлечен, что сам не заметил, как врезался носом в фонарный столб. Пастор, по его словам, был так озабочен травмой, нанесенной несчастным самому себе, что даже предложил ему свой носовой платок, который был самым неблагодарным образом отвергнут. Предположение, будто он мог ударить этого человека, было немыслимым и, безусловно, не соответствовало действительности. «Некоторые люди – ужасные обманщики, – заключил

он. – Бог с ними, да у них вообще никакого стыда нет. Не то чтобы я намекал на какую-то отдельную национальность, вы понимаете».

Ульф сказал обоим, что, может быть, лучшее решение проблемы – принести друг другу извинения и забыть обо всем случившемся. «Когда мы не уверены, что именно произошло на самом деле, – пояснил он, – иногда лучше оставить все так, как есть. В нашем случае есть разные точки зрения на этот конфликт, и если стороны готовы допустить возможность примирения...»

По выражению лица пострадавшего было ясно, что это предложение совершенно ему не понравилось. Он надулся – в буквальном смысле: шея у него набухла так, что Ульф начал опасаться за его давление; а глаза яростно сузились. «Так, значит, нос ромалэ стоит меньше прочих? – прошипел он. – Вы это пытаетесь мне сказать?»

– Я вовсе не собирался как-либо оценивать ваш нос, – спокойно ответил Ульф. – И позвольте мне вас заверить, что для нас все носы одинаково равны.

– Это вы только так говорите, – отрезал пострадавший. – Но когда доходит до дела, то все совсем по-другому, верно? – тут он обиженно повысил голос и, метнув на Ульфа яростный взгляд, продолжал: – Мой нос – такой же шведский, как и ваш.

Ульф глядел на него в ответ. Его всегда раздражала прямая агрессия, а этот человек, подумал он, вел себя вызывающе без особых на то причин. Но в то же время Ульф помнил, что имеет дело с представителем меньшинства, которое столь многие недолюбливали. Немудрено, что он ведет себя по-другому.

– Конечно, такой же. Я и не говорил, что другой, – ответил он примирительно.

– Но вы же собираетесь его отпустить, правда? Человека, который меня стукнул? Так ведь?

Это задело Ульфа за живое.

– Вили... – он осекся, вдруг осознав, что не помнит имени пострадавшего. Имя, конечно, было в деле – но папки под рукой у Ульфа не было. Исключительно неудачный *lapsus memoriae*, учитывая, что его только что обвинили в дискриминации. Имя пастора он помнил, а этого человека – нет. – Вили...

– Видите! – прошипел потерпевший. – Вы даже не потрудились запомнить мое имя.

Ульф сглотнул.

– Простите, – теперь он вспомнил и поражался, как это он мог забыть: Вилигот Даниор. – Простите меня, Вилигот. Понимаете, я постоянно решаю множество проблем. Дела наваливаются на меня со всех сторон, и иногда случается, что детали от меня ускользают. Но я хочу сказать вам следующее: ваше дело я просто так не оставляю. Я прекрасно понимаю ваши чувства и убежден, что пастора необходимо привлечь к ответственности.

Вилигот явно расслабился:

– Прекрасно. Просто прекрасно.

– И поэтому я предлагаю выдвинуть против него обвинения. Дальше уже судье решать, кому верить. На суде ваше слово против его слова, и нам остается только надеяться, что суд сумеет разобраться, кто говорит правду.

– То есть я, – быстро сказал Вилигот.

– Если вы так говорите, – ответил Ульф, – то я буду вам верить, пока мне не докажут обратное. В конце концов, разбитый нос не мог возникнуть на пустом месте.

– Особенно если учесть, что на площади нет фонарных столбов, – добавил Вилигот.

Ульф на секунду задумался. Потом улыбнулся.

– Кажется, вы только что меня убедили, – ответил он.

Суд был убежден равным образом, к большому неудовольствию подзащитного, которому была предъявлена фотография места преступления. Где именно – спросили у пастора – стоял

тот столб, в который врезался пострадавший? После этого дело пастора было окончательно проиграно. Его оштрафовали и дали суровое предупреждение.

– Человек, принявший сан, принимает на себя и долг порядочности, – сказал ему судья. – А вы самым серьезным образом изменили этому долгу.

Ульф был уверен, что справедливость восторжествовала. Вилигот стал жертвой ничем не спровоцированного нападения потому, что он принадлежал к непопулярному меньшинству. От пастора ждешь большей толерантности, чем от рядового члена общества, но, видимо, некоторые из них питали самые вульгарные предубеждения и злобу. И все же было в этом деле нечто странное, и Ульф не был до конца уверен, что он добрался до самой сути.

Понимание, однако, пришло – спустя всего полчаса после заседания. Ульф вышел из здания суда и направился в ближайшую кофейню купить себе капучино; и тут к нему подошел один из тех свидетелей, которые якобы ничего не видели. Это был почтальон, который во время стычки проходил мимо – но смотрел в другую сторону.

– Ульф Варг, – произнес почтальон. – Надеюсь, вы довольны.

Ульф посмотрел на него – предостерегающе:

– Что вы имеете в виду?

Но почтальона было не так-то легко смутить.

– Этот тип, – тут он раздраженно мотнул головой в направлении здания суда. – Этот потерпевший, Даниор, – слово «потерпевший» он практически выплюнул. – Вы хоть что-нибудь о нем знаете? Вы знаете, чем он занимается?

Ульф пожал плечами.

– Я знаю, что он из табора, если вы это имеете в виду. Но у этих людей точно такие же права, как и у нас с вами, эээ...

– Йоханссон.

– Что ж, Йоханссон. Закон никого не дискриминирует.

Йоханссон улыбнулся.

– О, мне это известно, Ульф. Вам не нужно мне об этом напоминать. Но известно ли вам, чем занимался этот Вилигот Даниор? Почему пастор так поступил?

Ульф не сводил с него глаз, думая о свидетелях, которые отказались давать показания – пятнадцать человек, которые что-то видели. Пятнадцать!

– А я думал, что вы ничего не видели.

– Какая разница, видел я что-то или нет, – резко ответил почтальон. – Я о другом толкую – о делишках Даниора. И его сынков. Они все трое хороши. Те еще кадры, каждый – в татуировках с ног до головы.

Ульф ждал.

– Они шины крадут, – закончил почтальон. – Городок у нас маленький, Ульф, и у всех у нас шины поснимали. Вот они у нас появились, и – надо же, какое совпадение – шины начали исчезать. Просто берут и снимают их с колес – а иногда и сами колеса тоже.

– Говорите, это дело рук Даниора?

Почтальон кивнул.

Ульф нахмурился.

– А как же местная полиция? Что они говорят по этому поводу?

В ответ почтальон только рассмеялся.

– Им было сказано не наседать на приезжих. Что-то там про общественную солидарность. Они предпочитают смотреть в другую сторону.

Как и ты, подумал Ульф в адрес своего собеседника. И все же...

– Так вот, Даниор и его сынки стащили у пастора колеса. У него, знаете, «Вольво» – хорошая машина. Два колеса у него увели, плюс еще одну шину и запаску тоже.

Ульф вздохнул.

– И как же он узнал, что это был Даниор?

– Да пастор застукал одного из сынков за этим самым занятием. Он было за ним погнался, но парень запрыгнул в машину и был таков. Так что в следующий раз, как он встретил в городе Даниора, то не выдержал и дал ему в нос, – почтальон немного помолчал. – Да такое с каждым может случиться – вот хотя бы и с вами, если не возражаете, что я такое говорю.

Ульф молчал. Он попытался представить себе, что бы он почувствовал, попытайся кто снять шины с его «Сааба». И все же весь смысл юридической системы состоял в том, чтобы люди не брали правосудие в свои руки и не наказывали сами тех, кто их как-то обидел. Иначе зачем вообще обзаводиться подобной системой? И все же...

Он снова вздохнул. Внезапно он почувствовал ужасную усталость, будто вся государственная машина со всеми своими моральными принципами разом легла ему на плечи.

– Мне очень жаль это слышать, – сказал он. – Но мы не можем позволить одним людям бить других – неважно, из-за чего. Просто не можем.

Почтальон уставился вниз, себе под ноги.

– Иногда я просто поражаюсь тому, что стало с этой страной, – сказал он.

Ульф посмотрел ему прямо в глаза.

– Я понимаю, о чем вы.

– Правда?

Ульф кивнул.

– Все не так просто, как вы думаете, Йоханссон. Не так, и все тут.

А потом все стало еще сложнее. Три дня назад Ульф вернулся домой после работы и обнаружил под дверью записку от своей соседки, Агнес Хёгфорс. Ульфу пришла посылка, говорилось в записке, и Агнес ее приняла. Он может забрать у нее посылку, когда зайдет за Мартином. Мартином звали собаку Ульфа, за которой приглядывала Агнес. Она в нем души не чаяла, да и он в ней тоже.

Посылка была небрежно завернута в простую коричневую бумагу. Ульф отнес предмет к себе в квартиру, развернул и тут только обнаружил, что это была серебряная решетка радиатора для его «Сааба», в точности того года и дизайна, какую он давно себе искал. Старая решетка сломалась, и ее необходимо было сменить – и вот перед ним лежала именно та деталь, которая была так ему нужна.

К решетке была приложена записка. «Ульф Варг, – говорилось там, – спасибо, что вступились за меня. Вы – честный человек, Ульф, и я подумал, что Вам это может пригодиться. Я заметил, что Вашей машине этого не хватает. С благодарностью, Вилигот».

Для подобных случаев существовал специальный протокол, и Ульф прекрасно понимал, что он обязан немедленно вернуть подарок. Он так и намеревался поступить и на следующий день отправился туда, где в первый раз опрашивал Вилигота: на стоянку трейлеров неподалеку от города, там, где, собственно, и произошел инцидент. Но когда он приехал на место, то не обнаружил там ни Вилигота, ни, если уж на то пошло, кого-либо еще.

– Свернули лагерь и уехали, слава те Господи, – ответила местная дама, к которой Ульф обратился с расспросами. – Туда им и дорога, вот что у нас тут все думают. – А потом добавила: – Забрали с собой большую часть наших шин – и еще кое-какие детали прихватили.

Ульф почувствовал, что краснеет. Решетка «Сааба» явно была краденой – и прямо сейчас она лежала у него в машине на заднем сиденье, на виду у любого прохожего, который, проходя мимо, мог бы заглянуть в салон. Он поблагодарил даму и отправился обратно в свою квартиру в Мальмё. Припарковавшись, он достал из машины решетку и отнес к себе наверх. Рядом никого не было, но его не оставляло чувство, будто за ним наблюдают из окна, и не из одного. Он глянул вверх и увидел движение в одном из соседских окон. Теперь по крайней мере один человек мог засвидетельствовать, что он направлялся куда-то с краденым предметом. Ульф прекрасно знал, что ему следует делать. Инструкция ясно указывала, что служащему полиции,

получившему подарок от лица, с которым он имел дело при исполнении обязанностей, следует этот подарок вернуть дарителю. В определенных обстоятельствах – например, когда подарок вручали благодарные граждане, которых обидел бы отказ – подарок можно было оставить, но только с особого разрешения Комиссара полиции. Если возникало подозрение, что подарок – краденый, то его следовало передать вышестоящему офицеру вместе с рапортом, поясняющим, почему, собственно, возникло это подозрение. Все это необходимо было проделать в течение двадцати четырех часов с момента получения подарка. Ульф так и намеревался поступить, но вот беда – решетка совершенно вылетела у него из головы. Прошло уже три дня, и теперь было уже поздно что-либо предпринимать, разве только подделать дату получения подарка. А Ульфу не хотелось лгать – тем более в официальном документе.

Глава вторая. В защиту стереотипов

С дороги указатель с надписью «Познай себя» разглядеть было не так-то просто. Но Ульф узнал место по фотографии на буклете, который дал ему доктор Свенссон. В брошюрке описывалась деятельность центра, в том числе – субботняя психотерапевтическая группа под названием «Высвобождая прошлое», которую рекомендовал ему доктор Свенссон.

– Мы с вами добились значительного прогресса, – сказал ему психотерапевт. – Но иногда бывает полезно сменить перспективу, а «Высвобождая прошлое» ведет один мой очень хороший приятель из Германии, Ганс Эбке. Теперь он практикует в Стокгольме, но в институте Макса Планка, в Лейпциге, о нем были весьма высокого мнения. Весьма высокого.

Ульф не был уверен, что они добились такого уж прогресса.

Посещавшие Ульфа сомнения в пользе дорогостоящих психологических консультаций могли бы подвигнуть его и вовсе их прекратить, когда бы не почти суеверное нежелание разрывать отношения с доктором Свенссоном. Конечно, нельзя не признать, что это захватывающий опыт – погружаться в глубины собственного подсознания; по крайней мере *иногда* это бывал захватывающий опыт. Потому что порой Ульфу казалось: подсознание способно на банальности такого масштаба, что лучше бы оставить его в покое, как люди обычно поступают со всяким случайным хламом в своей жизни. С доктором Свенссоном этими смущающими его размышлениями Ульф делиться не стал; быть может, они еще всплывут естественным путем, на кушетке психоаналитика.

Его коллега Анна испытывала серьезные сомнения насчет Ульфовской психотерапии.

– Честно говоря, Ульф, – заметила как-то она, – не понимаю, зачем ты вообще тратишь на это время. Ты – самый приспособленный к жизни, самый уравновешенный человек из всех, кого я знаю. Включая меня и Джо.

Джо был Аннин муж, кроткий и совершенно ничем не примечательный анестезиолог. Доктор Свенссон идентифицировал его как соперника Ульфа, но, насколько мог судить Ульф – точнее, насколько могла судить сознательная часть его рассудка вкупе с супер-эго – для соперничества не было никаких оснований, поскольку Ульф решил, что никогда не станет что-либо делать со своими чувствами к Анне. Она была его коллегой, к тому же – замужней женщиной, и оба этих обстоятельства делали невозможной какую-либо эмоциональную связь между ними. Да как вообще он мог, спрашивал себя Ульф, даже думать о том, что можно разрушить устоявшуюся Аннину жизнь, с мужем, с двумя дочками – обе чемпионки по брассу, юные дарования в мире водных состязаний, которых ждало большое будущее? Как он только мог?

И вот, оказывается, Анна считает, что и она, и ее муж меньше приспособлены к жизни и уравновешенны, чем он, Ульф. Он сильно в этом сомневался: в конце концов, они были созидателями образцового семейства, родителями двоих детей; он же, напротив, был следователем-холостяком, живущим в одиночку, владельцем слабослышащей собаки и клиентом психоаналитика.

– Людям не нравится, когда их друзья преуспевают, – заметил как-то доктор Свенссон. – Успех друга подчеркивает наши собственные неудачи. Нам не хочется, чтобы у друзей водилось больше денег, чем у нас; да и друзей тоже, если уж на то пошло. Видите ли, зависть пустила в нашей психике глубокие корни.

– Но если зависть – настолько сильное чувство, – сказал Ульф, – значит ли это, что мы не можем испытывать положительные эмоции от чужого успеха?

– На каком-то уровне мы, конечно, можем получать от этого удовольствие, – ответил доктор Свенссон. – Но на самом поверхностном. В глубине нашего сознания, нутром, так сказать, мы никогда не станем приветствовать чужую удачу.

Нутром... Ульф глубоко задумался над этим словом. Доктор Свенссон имел обыкновение поминать нутро время от времени, но никогда не пояснял, где, собственно, оно находится. Ульф, однако, никогда не испытывал сомнения в его существовании. Он всегда чувствовал собственное нутро, когда становился свидетелем какого-нибудь особенно яркого проявления человеческой жесткости; тогда его охватывало сильнейшее – до тошноты в желудке – отвращение, а желудок и нутро, как ему представлялось, находятся примерно в одном и том же месте.

Влияло ли как-то нутро на его отношение к браку Анны? Если он не желал ей счастья в этом браке, то, может, это был просто вопрос выгоды, вопрос рационального расчета: что лучше для него самого. Или это говорила в нем обычная, слепая зависть – потому что он сам давно уже был в разводе? Он вдруг понял, что какая-то его часть – его *Ид* – очень бы приветствовала разлад между Анной и Джо, поскольку это открыло бы ей – этой части – дорогу к тому, чего ей очень хотелось: начать с Анной роман. Понятное дело, ничего другого от *Ида* ждать не приходилось – вечно он был озабочен удовлетворением животных страстей, сексуальных желаний, своим голодом, своим стремлением хватать и пожирать. Насколько же прочнее, подумалось Ульфу, положение тех, кто отказывал *Иду* в осуществлении его амбиций; кто возвышался над плотскими страстями и гордо парил в недостижимой вышине. Конечно, это была всего лишь иллюзия. Аскеты, святые, те, кто жертвует собой – у всех у них, как правило, имелись свои грязные секреты, тайные страстишки, провалы и неудачи. От *Ида* было не так-то легко отделаться; он всегда требовал своего и, как правило, этого добивался.

Может, Ганс Эбке прольет хоть какой-то свет на эти дела, подумал Ульф, сворачивая на длинную подъездную дорожку, ведущую к оздоровительному центру. С другой стороны, доктор Свенссон предупредил его, что сегодняшняя сессия будет групповой, а Ульф совсем не был уверен, что готов рассказывать о своих чувствах к Анне целой группе незнакомцев. Самому доктору Свенссону он все еще не открылся – а ведь доктор был связан строгими правилами конфиденциальности – и ему уж точно не хотелось откровенничать с людьми, у которых подобных обязательств не было. Кроме того, если зайдет разговор о зависти, как он сможет признаться в этой проблеме, когда другие участники сразу зададут ему самый очевидный вопрос: чему именно он завидует? Не может же он сказать: «Я испытываю зависть, когда думаю о моей коллеге, привлекательной женщине с двумя дочерьми и мужем, который нагоняет на людей сон?» Бедняга Джо, с этими своими масками, газами и всем прочим, и исключительно серьезной манерой, от которой, увы, и вправду клонит ко сну. При этой последней мысли Ульфу стало немного грустно.

Он припарковал «Сааб» на маленькой стоянке перед домом. Все остальные явно были уже здесь: Ульф насчитал на стоянке еще шесть автомобилей, и детектив внутри него немедленно принялся соображать, какая из машин принадлежала доктору Эбке, а какие – его гостям. То есть это если предположить, что доктор Эбке уже прибыл – а в том, что он уже здесь, сомнений не было. Ульфу еще ни разу не доводилось встречать непунктуального немца. Сам-то он запаздывал, прибыв на место минут на пятнадцать позже времени, указанного в письме от администрации Центра. Так что доктор Эбке уже точно успел приехать. Значит, одна из машин принадлежала ему; оставалось еще пять. В полученном Ульфом письме говорилось, что в группе будут еще четыре участника. На пятой машине, значит, приехал администратор – тот самый, который прислал Ульфу письмо с подтверждением регистрации на терапию. В приложении к письму перечислялись имена остальных участников в сопровождении кратких автобиографических заметок, которые попросили предоставить каждого из них. Заметки эти, предостерегало письмо, будут отправлены остальным участникам, так что какими-то конфиденциальными сведениями делиться не стоит. Пользоваться псевдонимами разрешалось – «если вам так комфортнее» – и, как заметил Ульф, трое воспользовались этой возможностью.

Ульф не без интереса прочел автобиографические заметки. Двое из участников были женщинами, двое – мужчинами. Первую участницу в списке звали Генриетта. Звездочка около ее имени указывала на то, что это псевдоним.

«Я занимаюсь закупками шерсти, – писала о себе Генриетта. – Я не замужем. Я покупаю шерсть для текстильных производств. Иногда я путешествую по Австралии. Мне нравится ткать гобелены, вышивать и танцевать сальсу». Был еще короткий абзац, поясняющий, почему она решила пойти на психотерапию. «Мне кажется, я должна это самой себе», – написала Генриетта.

Ульф перешел ко второму описанию. Оно было от Эббы, которая, как и Ульф, псевдонимом не воспользовалась, но фамилии не указала. «Я – Эбба, – писала она. – Я работаю в креативном агентстве. Я пишу слоганы и придумываю идеи для маркетинга – когда они придумываются! Моя проблема – это нерешительность, но я над этим работаю. На групповой терапии я в первый раз, и я предвкушаю этот опыт! Или не предвкушаю?»

Ульф улыбнулся.

Был еще Олаф, который откровенно признавался, что уже несколько лет проходит терапию из-за того, что он назвал «тревожными импульсами», и Петер, пилот, который страдал мягкой формой ОКР; с этой проблемой он надеялся справиться до того, как пойдет на дальнейшее обучение – он собирался пилотировать самолеты нового поколения. Сможет ли Петер *когда-нибудь* спокойно завершить предполетную подготовку без того, чтобы диспетчер спрашивал, собирается ли он вообще сегодня взлетать?

Ульф оглядел припаркованные машины. Ни один из автомобилей не был новой моделью, и за исключением одного все выглядели одновременно скромными и надежными. Из общей массы выделялся только «Порше», пускай он явно видал лучшие времена. «Порше», совершенно очевидно, принадлежит Петеру, решил Ульф; вряд ли такая машина отвечает вкусам закупщицы шерсти и ценительницы ковров; и уж точно «Порше» не может принадлежать человеку нерешительному. Эбба наверняка водит самый медленный из стоявших здесь автомобилей, подумал Ульф: тот, который давал бы ей время решить, направо повернуть или налево. А «Порше» не позволяет подолгу предаваться подобным размышлениям. Это значило, что Эббе принадлежал маленький, маломощный «Фиат», известный почитателям под нежным прозвищем «бамбино».

Кроме «Порше», на стоянке была еще одна немецкая машина, «Мерседес-Бенц», и Ульф решил, что на нем приехал доктор Эбке. Под нажимом ему пришлось бы признать, что это лишь догадка, основанная на стереотипах, но он столько раз наблюдал это явление, что не собирался класть результаты множества эмпирических наблюдений на алтарь широты взглядов. Немцы обожали немецкие машины. Таковы были факты. И эти самые немцы, опираясь на собственные эмпирические наблюдения, оправдывали то, что другим могло показаться мелочными националистическими предпочтениями. Немецкие машины были качественными и не ломались. Немцам это было прекрасно известно, и машины они себе выбирали, основываясь на этом факте.

Итак, вторая машина от входа в здание принадлежала доктору Эбке, а ближайшая ко входу – скорее всего, администратору, который должен был приехать первым, чтобы отпереть двери. Оставалось две машины, у одной из которых были тонированы задние окна. Эта машина явно принадлежала человеку, которому было что скрывать: кому еще, как не Олафу с его «тревожными импульсами». И в самом деле, стыд мог стать решающим фактором при выборе машины – не менее важным, чем гордость. Оставшаяся машина могла принадлежать только Генриетте. Это была испанская марка, «Сеат»... Ага, сальса, подумал Ульф: это подтверждало его вердикт.

Зайдя внутрь, он увидел в аудитории всех участников, собравшихся вокруг доктора Эбке. Они пили кофе.

– Для начала давайте просто познакомимся, – сказал доктор Эбке, пожимая Ульфу руку. – Я подумал, стоит немного узнать друг друга перед нашей первой сессией, – он немного помолчал. – Ваша биография, кстати, оказалась очень краткой. В этом, конечно, нет ничего плохого, но сказано там совсем немного, как вам кажется?

– Мне просто не хотелось никого затруднять, – ответил Ульф.

– Конечно-конечно, я понимаю, – поспешно сказал Эбке. – Но вы не сказали нам, чем вы занимаетесь, верно?

– А это необходимо? – спросил Ульф.

Доктор Эбке сделал глоток кофе, внимательно глядя на Ульфа.

– Наша работа во многом нас определяет, как вы думаете?

Ульф пожал плечами.

– Если мы сами выбрали себе работу, то да, конечно. Но вам не кажется, что многим не приходится выбирать, чем им заниматься? Вам не кажется, что многие находят себе профессию... ну, случайно или потому, что она досталась им по наследству? Взять хотя бы фермеров, если я не ошибаюсь. Фермеры становятся фермерами, потому что до них фермерами были их родители.

Доктор Эбке рассмеялся.

– Вижу, с вами надо держать ухо востро, – сказал он. – Но правда, скажите, чем вы все-таки занимаетесь?

Ульф ответил не сразу. Было в манере доктора Эбке что-то, что его раздражало. И какое право он имел требовать сведения, которыми Ульф делиться не желал?

– Я – инженер, – он и понятия не имел, зачем это сказал, кроме как для того, чтобы защитить свое личное пространство. Конечно, он повел себя по-детски, но теперь было уже поздно что-то менять.

Но это и не понадобилось.

– Инженер? – переспросил доктор Эбке. – Как странно. А я думал, вы – следователь.

Ульф поглядел ему прямо в глаза.

– Так зачем вы тогда спрашивали? Если вы уже знали, зачем было спрашивать?

Прямой отпор, казалось, выбил доктора Эбке из колеи; он вдруг поглядел на часы.

– Боже мой, – сказал он, – надо же, сколько времени. Нам пора начинать, – он поднялся на ноги. – У нас с вами еще будет время побеседовать, Ульф.

Ульф смотрел, как доктор Эбке отдавал распоряжения участникам группы. Они расставили стулья полукругом возле одного из окон, и, когда все уселись, доктор Эбке официально представил их друг другу.

– Я не сомневаюсь, что Ульф попозже еще расскажет нам о себе, – сказал доктор Эбке, когда очередь дошла до Ульфа. При этом психолог искоса посмотрел на Ульфа, но тот отвел взгляд. Он решил, что доктор Эбке ему не нравится, но что он будет терпеть до конца ради доктора Свенссона. Суббота будет потрачена впустую, подумал он, но, опять же, что еще ему оставалось делать? Заняться было абсолютно нечем – разве что погулять подольше с Мартином или, может, нанести визит кухне, у которой только что родился второй ребенок и которой не терпелось показать его Ульфу: ребенка назвали в его честь. «Ульф – такое милое имя, – сказала ему кузина. – Отто тоже считает, что лучше не придумаешь». Ему придется подыскать юному Ульфу подарок. Что вообще дарят младенцам? Надо бы подарить что-то серебряное, продолжал размышлять Ульф, и сделать гравировку: «Ульфу от Ульфа», и дату. Но вообще-то серебро – штука дорогая, а тут еще эти расходы на новые кресла. Так что, быть может, юному Ульфу придется обойтись оловом – все равно младенец вряд ли заметит разницу. Да и на гравировке можно сэкономить, если написать просто «У. от У.» или даже одно только «У».

Олаф сказал:

– Я хотел бы кое-чем с вами поделиться. Я никогда не говорил об этом с другими – никогда.

Доктор Эбке ободряюще кивнул.

– Что ж, Олаф, – сказал он. – Поэтому-то мы здесь и собрались. Весь смысл группового подхода в том, чтобы разделить свое бремя с другими.

– Да, да, – вставила Генриетта, – я лично всегда считала, что, когда делишься своим бременем, оно становится легче. Правда, становится. По крайней мере, по моему опыту.

Доктор Эбке был явно очень доволен.

– Знаете, а Генриетта очень даже права. Любая ноша становится легче, когда тебе помогают. Неважно, что это – сумка, рюкзак... Все, что угодно.

Ульф поморщился. Как именно несколько человек будут нести один рюкзак? Весь смысл устройства рюкзака в том, что его вешают на спину. Так каким образом можно надеть эти лямки на двух людей одновременно? Им придется встать друг к другу лицом, с рюкзаком, висящим между ними, да и лямки наверняка перепутаются.

Олаф, оказывается, еще не закончил.

– Я понимаю, что мне лучше высказаться побыстрее – то есть сейчас, а не когда-нибудь потом.

Генриетта подалась вперед.

– Да, Олаф. Я хочу это услышать. Правда хочу.

Олаф посмотрел на нее не без тревоги.

– Почему? – спросил он. – Откуда у вас такой интерес?

Генриетта ответила ему взглядом, исполненным оскорбленной невинности.

– Потому что мы хотим вам помочь, – сказала она, – с этими вашими неприличными импульсами.

Олаф повернулся к доктору Эбке:

– Неприличными? Кто сказал «неприличными»?

Вопрос был адресован доктору Эбке, но ответила на него Генриетта:

– Да вы же сами и сказали, Олаф. Вы написали об этом в вашей биографии.

– Ничего подобного я не писал, – возмутился Олаф. – Я написал «мучительные мысли».

– Нет, это не так, – вмешался Петер. – Вот, посмотрите, – и тут он достал из кармана письмо от администрации и развернул его. – Да, тут так и говорится: «тревожные импульсы». Видите? Импульсы, а не мысли.

Доктор Эбке поднял руку.

– Мне кажется, нам не стоит разговаривать друг с другом в обвинительном тоне. Важно то, что собирается сказать Олаф – здесь, в нашем присутствии.

– Мне хотелось бы понять разницу между импульсом и мыслью, – прервал его Петер. – Есть она вообще, как вам кажется?

– На самом деле это вопрос... – начал было Олаф.

Но Петер прервал и его:

– Я спрашивал не вас, – сказал он, – а доктора Эбке.

Олаф был явно задет.

– Не нужно разговаривать со мной в подобном тоне. Ведь это мои мысли мы тут обсуждаем.

– Ваши импульсы, – поправила его Генриетта.

Ульф внимательно слушал, разглядывая Олафа. Он гадал, не приходилось ли им раньше встречаться – на профессиональной почве. Непростая будет ситуация, подумал он, если кто-то из присутствующих начнет рассказывать о каком-либо своем противозаконном поступке. В чем тогда будет состоять его долг? Может, он должен будет выхватить свой полицейский значок и сказать: «Достаточно психотерапии – вы арестованы»? Он старался разглядывать Олафа не

слишком пристально, но чем дольше он на него смотрел, тем больше подозревал, что разговор будет, скорее, об импульсах, чем о мыслях, – и разговор этот будет не из простых. Но тут Олаф поднялся на ноги.

– Я уезжаю, доктор Эбке. Простите, но участвовать в группе я не смогу.

– Какой вы импульсивный, – сказал Петер и рассмеялся, заслужив суровый, неодобрительный взгляд от доктора Эбке.

– Поводов для веселья здесь нет, – сказал психолог. – И смеяться друг над другом мы не должны. Это очень, очень серьезно.

Ульф старался не рассмеяться. Достав носовой платок, он высморкался. Это помогло.

Доктор Эбке последовал за Олафом на улицу, на ходу пытаясь уговорить его остаться. Но Олаф, похоже, был непоколебим. С того места, где сидел Ульф, открывался превосходный вид на стоянку. С некоторым удовлетворением он отметил, что Олаф подошел к машине с тонированными стеклами, сел в нее и уехал. Еще большее удовлетворение ему принесли наблюдения за доктором Эбке, который, проводив Олафа до машины – он явно до последнего надеялся уговорить его остаться, – решил забрать что-то из собственного автомобиля. И этим автомобилем, конечно же, оказался «Мерседес-Бенц». Ульф повернулся к Петеру.

– Это ведь ваш «Порше» там, на стоянке? – спросил он.

Петер кивнул.

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Хорошая машина, – довольно ответил Ульф.

«Конечно, это твоя машина, – подумал он. – Ну естественно».

После отъезда Олафа атмосфера в комнате стала другой, и остаток сессии прошел достаточно гладко. Когда очередь дошла до Ульфа – до его проблем, – то он ограничился разговорами о том, как его расстраивает необходимость иметь дело с чужими дурными поступками. Поскольку доктор Эбке рассказал всем, что он – следователь, это позволило Ульфу говорить о стрессе, связанном с его работой. Он, однако, предупредил группу, что не имеет права вдаваться в детали и что все, что он расскажет о своей работе, следует понимать в самом общем смысле.

Следующей была Генриетта. Ее, сказала она, заботят вопросы самопознания.

– Я, конечно, понимаю, что у моих действий всегда есть причина, – пояснила она. – Но иногда я спрашиваю себя: почему я так поступила? То есть почему именно так, а не иначе? Мне кажется, это очень интересный вопрос. Я обратилась к психотерапии не за тем, чтобы решить какие-то проблемы. Я хочу, чтобы мне помогли *понять*, что это за проблемы, – тут она немного помолчала, обводя взглядом участников группы. – Как вам кажется, есть в этом какой-нибудь смысл?

– Да, – сказал Петер. – Вы хотите побольше узнать о себе.

– Именно, – с энтузиазмом ответила Генриетта. – Кто из нас знает себя по-настоящему? То есть по правде?

Обсуждение задачи, которую поставила перед собой Генриетта, заняло около получаса. В конце она объявила, что довольна результатом.

– Знаете, у меня такое чувство, что я действительно добралась до собственной сути. Мне кажется, я стала немножко лучше понимать, что именно привело меня сегодня сюда. Можно, наверное, сказать, теперь я понимаю контекст ситуации. Для меня это многое изменило.

Затем настала очередь Петера, который больше двадцати минут рассказывал о ритуале, который он исполняет дома прежде, чем отправиться на работу.

– Знаю, это звучит абсурдно, – сказал он, – но я должен сначала достать все свои рубашки из шкафа, сложить их заново и снова убрать на место. Два раза.

– Что же произойдет, если вы этого не сделаете? – полюбопытствовала Генриетта.

– Мой самолет упадет, – просто ответил Петер.

Ульф был не в силах отвести от него взгляд. Ему казалось, что авиалинии предъявляют к своим пилотам строгие медицинские требования. И что среди прочего пилоты должны проходить психологическое тестирование.

– О, я знаю, как смешно это звучит, – сказал Петер. – Знаю, что вы думаете.

– Это так называемое суеверное поведение, – ответил доктор Эбке. – Очень распространенное явление. У многих людей есть свои маленькие ритуалы, и они – эти люди – убеждены, что если их не совершать, то произойдет нечто ужасное. Вы говорите себе: «Если я этого не сделаю, случится беда». Это элементарное суеверие, – тут он посмотрел на Петера. – Но вот какая интересная штука: когда мы разговариваем об этих вещах с другими людьми, так сказать, проливаем на них свет, то они исчезают. Совершенно испаряются.

– И, значит, то самое ужасное не происходит? – спросила Генриетта.

– Нет, никогда, – ответил доктор.

Петер облегченно вздохнул.

– Это хорошо, – сказал он. Но вдруг изменился в лице: – Но оно же все равно может случиться, верно?

Доктор Эбке ободряюще улыбнулся.

– Конечно, случиться может все – все, что угодно. Но если что-то произойдет в случае, о котором мы говорим, это будет чистой воды совпадение. А отнюдь не случай так называемого *post hoc ergo propter hoc*³. Другими словами, между тем фактом, что вы не провели ритуал, и последовавшим событием причинно-следственной связи не будет, – он снова улыбнулся терпеливой улыбкой. – Это будет лишь проявлением того, что когда-то называли Божьей волей.

Генриетта набрала в грудь побольше воздуха:

– Когда-то называли...

– Я не хочу вдаваться в теологические дискуссии, – сказал доктор Эбке. – У нас и без этого есть о чем поговорить.

Петера данный ему ответ явно не убедил.

– Но *если* то, чего человек боится, все-таки происходит, то откуда вам знать, из-за чего это произошло – может, как раз из-за несоблюдения, как вы это называете, «ритуала»...

– А другие называют «предосторожностью», – пробормотал себе под нос Ульф.

– Именно. Если я не совершил обычных предосторожностей – не достал и не убрал обратно в шкаф рубашки, – и самолет упал, то откуда вам знать – в самом прямом смысле слова – что это случилось не из-за того, что я чего-то не сделал?

Доктор Эбке пренебрежительно помахал рукой.

– В этом случае я бы сослался на научный закон причины и следствия – как мы его понимаем. Опыт подсказывает нам, что перекладывание рубашек не имеет ничего – абсолютно ничего – общего с авиакатастрофами, – тут он посмотрел на Петера, будто бросая ему вызов. – Я бы предположил, что, учитывая ваше образование, вы тоже об этом знаете, – он немного помолчал. – Я так понимаю, принцип Бернулли вам известен.

– Конечно, известен, – резко ответил Петер. – Я – квалифицированный пилот.

– Так, значит, вы полагаетесь на научное знание, верно? – подхватил доктор. – И ваша единственная надежда справиться с ОКР – это психотерапия, а психология – это отрасль науки.

Петер недоуменно уставился в пол.

– Да, с этим трудно поспорить.

Генриетта, которая сидела рядом с Петером, положила руку ему на локоть.

– Мы все с вами, – сказала она очень тихо, почти шепотом.

– Спасибо, – ответил Петер. – Я так стараюсь с этим справиться, и ничего не выходит. Очень стараюсь, правда.

³ *Post hoc ergo propter hoc* (лат.) – «в силу определенных причин»: устойчивое латинское выражение.

Ульф стало его мучительно жаль.

– Конечно, вы стараетесь: это каждому видно, – сказал он. – И не забывайте – у всех у нас есть какие-то проблемы. У всех. Даже у доктора Эбке – уверен, у него тоже есть свои проблемы.

Генриетта заинтересованно встрепенулась.

– И в самом деле, – сказала она. И, повернувшись к доктору, спросила: – Какие же у *вас* проблемы, доктор Эбке? Как думаете, можем мы поговорить об этом?

Время летело быстро, и не успели они оглянуться, как было уже пять; встреча была окончена. Ульф проводил Эббу до стоянки, где они еще немного поболтали, после чего она села в «Фиат»-«Бамбино» и уехала. Она показалась Ульфам интереснее прочих участников: Генриетта чересчур много говорила о себе и своих личных исканиях, а Петер слишком нервничал для того, чтобы с ним можно было завести сколько-нибудь значительную беседу. Эбба, напротив, говорила о своих сложностях спокойно и без излишнего драматизма.

– Знаю, моя проблема – ничто по сравнению со сложностями остальных, – сказала она на сессии. – Это просто неспособность принимать решения. Странная штука. Проявляется это временами, совершенно случайно и, как правило, из-за какого-нибудь пустяка. Это не касается серьезных решений, только мелочей – ну, например, два тостика съесть или один. Такого рода вещи.

В этот раз дискуссию вел доктор Эбке. Он возложил вину на мать Эббы, которая, как они успели узнать, заведовала медперсоналом в крупном университетском госпитале.

– Я никоим образом не хочу бросать тень на вашу мать, – сказал доктор. – Но она вполне могла иметь перфекционистские тенденции – при своей-то профессии. И это могло привести к тому, – я не говорю, что привело, но *могло*, – что она задала вам очень высокие стандарты. Поэтому-то вы и не можете принимать решения: ваша мать все еще здесь, все еще глядит вам через плечо.

Эбба выслушала его очень внимательно.

– Но она сейчас в Финляндии. Второй раз она вышла замуж за финна.

Доктор Эбке улыбнулся.

– Я не имел в виду, что она присутствует здесь физически, – тут он по очереди оглядел всех участников. – Понимаете ли, мы никогда не бываем одни. Наши родители, бабушки и дедушки, и даже более далекие предки – они всегда присутствуют в нашем сознании, передавая из поколения в поколение психологические травмы и неразрешенные проблемы.

После того как встреча закончилась, уже на парковке, Ульф сказал Эббе:

– Что ж, надеюсь, вам это помогло.

Она ответила, что так оно и было.

– А вам? – спросила она.

– В какой-то мере. Мне, наверное, пошел на пользу разговор о моих чувствах по отношению к работе.

Она кивнула.

– Мне очень интересно было вас послушать. Удивительная, должно быть, у вас работа – и наверняка очень нервная. Этот отдел, в котором вы работаете, – отдел деликатных преступлений...

– Расследований, – поправил ее Ульф. – Отдел деликатных исследований.

– Да, конечно. Вам, должно быть, приходится видеть жуткие вещи.

– Такое случается, – ответил Ульф. – Но не слишком часто. Крови я вижу очень мало, если вы это имеете в виду. Убийства и тому подобное – это не по нашей части. Несчастья, с которыми нам приходится сталкиваться, – как правило, не такие уж серьезные: скорее, странные преступления, которые не вписываются ни в одну категорию. Все очень вежливо. Очень по-шведски. Не думаю, что в мире существует еще один отдел деликатных исследований. Есть только мы.

Он посмотрел на нее. Эбба была симпатичной женщиной, и как раз подходящего возраста – чуть за тридцать, подумал он, или немного постарше. Он задумался, будет ли прилично пригласить ее поужинать, если она собирается сегодня возвращаться в Мальмё. Было не совсем понятно, какой в этом случае существует этикет: уж не моральное ли это принуждение – приглашать на ужин человека, с которым вы познакомились на сеансе психотерапии? В нынешние времена, когда романтика превратилась в минное поле, следовало соблюдать осторожность.

– Тут открылся один симпатичный ресторан, и я давно хотел попробовать... – начал было он.

Но Эбба его прервала:

– Ох, мне и вправду надо спешить, – сказала она, бросив взгляд на часы. – Мы с Нильсом договорились, что я заскочу в магазин по дороге домой. Мы с ним готовим по очереди, и сегодня – мой черед.

– Конечно, – ответил Ульф, вздыхая про себя. Все его уверяли, что вокруг полно одиноких женщин и познакомиться с кем-то совсем не сложно, но у Ульфа было ощущение, что все знакомые женщины далеко не свободны. Анна уж точно. Ох, Анна, если бы ты не была так... так несвободна. Если бы только... Он задумался о том, что за человек этот Нильс. По словам Эббы, они готовят по очереди, это говорит о том, что он внимателен и заботлив. И отношения у них наверняка прочные и надежные. Предполагать что-либо другое означало принимать желаемое за действительное. Скорее всего, из чувства зависти.

Ульф смотрел, как Эбба садится в машину. Она вставила ключ в замок зажигания и запустила двигатель. Потом немного посидела неподвижно, держа руку на рычаге переключения передач. И Ульфа осенило: она пыталась решить, какую включить передачу – переднюю или заднюю.

Глава третья. Цемент мафии

Утро следующего понедельника началось для Ульфа вполне обычно: с большой чашки капучино в кафе, находившемся через дорогу от отдела деликатных расследований. Кафе это было популярным местечком, и не только среди сотрудников отдела, но и у служащих окрестных контор и фирм: пенсионного фонда, фирмы инженеров-консультантов, какого-то издательства и еще одной компании, которая явно занималась чем-то значительным, но никто в точности не знал, чем именно. Фирма эта, «Олафссон и Ко», имела штат около двадцати человек, и все они одевались в сходной манере; но что еще удивительнее, внешне они тоже были очень похожи друг на друга. Ульф с коллегами прозвали их «олафссонами» и время от времени, наткнувшись на кого-нибудь из олафссонов в кафе, пытались – без особого успеха – втянуть его в разговор. Оставаясь неизменно вежливыми, олафссоны успешно избегали любых вопросов о роде их занятий, что, конечно, только подогревало интерес всего отдела.

– Пора бы уже начать расследование насчет этих типов, – сказала как-то Анна. – Кто их знает, чем они там занимаются.

– На каком основании? – спросил Ульф. – Нужно, чтобы была причина, ты не находишь? Нельзя начать против кого-то расследование только потому, что ты не знаешь, чем они занимаются.

Анна вздохнула:

– Жаль.

Их коллега Эрик, сидевший напротив, решил присоединиться к разговору:

– Нет дыма без огня, – заявил он.

Ульф покосился на Анну. Реплика была вполне типичной для Эрика: он был убежден, что в основе детективной работы лежат народные максимы.

– Но где здесь, собственно, дым, Эрик? – спросил он.

Эрик пожал плечами.

– Можно нанести им визит под каким-нибудь предлогом. Можно сказать, что это превентивная мера – в рамках одной из этих консультативных программ, которые так обожают наше руководство. А потом, когда мы будем с ними об этом разговаривать – быстренько оглядеться вокруг. Кто знает, может найдем какие-нибудь подозрительные бумаги.

Ульф покачал головой.

– Нет, Эрик. Этого мы сделать не можем. Это так называемый «ложный предлог».

Карл, не поднимая головы от бумаг, заметил:

– Получение доступа на территорию под ложным предлогом. Уголовный кодекс, статья... Забыл номер статьи, но такая там точно есть. Это я так, к слову.

Эрик снова уткнулся носом в бумаги.

– Это еще выйдет нам боком, – ворчал он. – А потом во всех новостях будут трубить о том, как мы проглядели незаконную деятельность прямо у себя под носом. Ну и глупо же мы будем тогда выглядеть, это я вам точно скажу.

Но Ульф был непоколебим.

– Ну хорошо, а как мы будем выглядеть, если нас самих поймают на незаконной деятельности? – он немного помолчал. – А даже если и не поймают, как мы будем себя *чувствовать*, если сделаем что-то, чему закон говорит твердое «nej»⁴?

Все молчали. Анна со значением поглядела на Эрика, но у того был совершенно невозмутимый вид. Потом каждый вернулся к своему занятию, прерванному дискуссией об олафссонах.

⁴ Nej (шведск.) – нет.

Тем утром, когда Ульф вошел в кафе, ни одного олафссона там не было видно. Зато вокруг одного из столиков сидела тесная группка инженеров; они горячо обсуждали обрушение моста где-то в Италии. Ульф уже слышал об этом по радио, и теперь до него доносились реплики относительно низкосортного цемента и низкокачественной стали. Один инженер предположил, что здесь как-то замешан подрядчик из Калабрии ⁵, по слухам, пользовавшийся покровительством 'Ндрангеты.

– Ничего удивительного, – добавил другой инженер, – учитывая, что их деятельность составляет три процента итальянского ВВП.

Ульф страшно хотелось присоединиться к разговору. Три процента? Трудно было поверить, что преступная группировка могла до такой степени внедриться в экономику страны. Значит, три человека из ста были полностью вовлечены в их деятельность – если, конечно, можно было интерпретировать эти цифры подобным образом. Три процента! Конечно, в самой Калабрии доля населения, замешанного в этих делах, была еще выше, потому что там, так сказать, была выше концентрация. Значит, в организованной преступности так или иначе могло участвовать до трети населения – один человек из трех. А если исключить детей – или, по крайней мере, тех, которые еще слишком малы, чтобы помогать своим коррумпированным родителям, – цифры будут еще выше.

Ульф осмотрелся вокруг. В кафе было человек пятнадцать – кто-то сидел за столиками, кто-то стоял у барной стойки. Будь он в Калабрии, пятеро из них были бы мафиози или кем-то вроде того. Вон тот мужчина, который стоит у витрины с пирожными, почитывая «Sydsvenska Dagbladet» ⁶, – он, допив кофе, отправился бы совершать какое-нибудь организованное преступление, а газета, которую он читает, носила бы название «Хроники Каморры» ⁷ или «Организованные известия».

Ульф задумался, не проник ли каким-то образом этот коррумпированный, низкосортный, мафиозный цемент в шведские мосты. Ему ни о чем подобном слышать не приходилось, и все же там, где есть деньги, всегда будут и преступники, а многие из них будут только счастливы подвергнуть риску человеческие жизни, если им будет светить нелегальная прибыль. Стремление человека ко злу, подумал Ульф, – это явление одновременно устойчивое и повсеместное; ты борешься с ним, изо всех сил стараешься подавить, но стоит тебе отрубить ему одну голову, как где-то еще вырастает другая – точно у Гидры. А их в маленьком, тесноватом кабинете было всего четверо – четверо, сражавшихся в этой безнадежной битве; пятеро, если считать Блумквиста, которого перевели к ним в отдел, но который все еще носил форму и полноценным следователем считаться не мог. Ульф вздохнул; бедняга Блумквист.

Ульф взял со стола оставленную кем-то газету. На полях предыдущий обладатель газеты накорябал что-то шариковой ручкой – какие-то цифры, телефонный номер и пометка: «сказать Марии». Сказать Марии *что*? Ульф уперся взглядом в потолок. Была ли эта записка воплем души – воплем, адресованным самому себе, призванному побудить автора к действию? Может, Мария уже что-то заподозрила. Может, она уже все знает, потому что успела наткнуться на прошлую записку на полях мужниной газеты – как иногда в романах женщина слышит шепот любовника, бормочущего во сне имя другой – и ждет, ждет признания, которого все нет. Или, быть может, он – или она? – просто хотел себе напомнить, что нужно сказать Марии, своей домработнице: на следующей неделе его не будет, и не будет ли она так любезна разобрать посудомойку? Это гораздо более вероятно, решил Ульф, потому что, будь эта записка побуждением к действию, там было бы «должен сказать Марии»: совсем другое дело. Это умозаключение согрело ему душу. Мысль об обманутой Марии ему совсем не нравилась. Это невинное

⁵ Калабрия – беднейший регион Италии, родина мафиозной группировки 'Ндрангеты.

⁶ Sydsvenska Dagbladet – «Ежедневник Южной Швеции».

⁷ Каморра – преступная организация, возникшая в Неаполе в XVIII веке и действующая до сих пор.

объяснение означало, что Марию не ждет никакое разочарование; что еще один личный мирок не будет раздавлен жестокостью и непостоянством близких. За это, по крайней мере, можно было испытывать благодарность.

Ульф принялся читать статью в разделе, посвященном искусству: интервью с художником, стенавшим по поводу того, что бизнес совершенно не поддерживает искусство инсталляций – каковые всегда казались Ульфу случайными собраниями предметов. Он поморщился; искусство было его страстью, в особенности скандинавская живопись девятнадцатого – начала двадцатого века. Это некоторым образом примиряло его с выходками современных концептуалистов, и все же он никак не мог поверить, что кто-нибудь захочет платить за нечто столь банальное и недолговечное. И куда, интересно, прикажете помещать эти инсталляции? Допустим, какая-то фирма решилась бы разместить у себя в фойе инсталляцию – а уборщица возьми, да и выкини все, решив, что это просто кучка мусора. Ульф был убежден, что с инсталляциями это происходит сплошь и рядом: уборщица выкидывает какое-нибудь до неприличия дорогое собрание *objets trouvés*⁸, даже не подумав – вполне объяснимо – что это, может, и вовсе не обычный мусор. Публика обожала подобные истории, видя в уборщицах посланниц эстетики здравомыслия и выразительниц вкусов широких слоев населения.

Вздыхнув, он перевернул страницу. Искусство плавно перешло в футбол: предмет, совершенно его не интересовавший. Кто-то где-то забил гол за какую-то команду, и спортивный корреспондент анализировал это великое событие в мельчайших деталях. Ульф снова вздохнул, поднял от газеты взгляд и заметил свою коллегу Анну, которая только что вошла в кафе и теперь заказывала у стойки свой обычный латте. Она обернулась, поймала его взгляд и помахала ему рукой, произнеся одними губами: «Минуточку, сейчас буду». Анну вечно забалтывал бариста; вот и сейчас он что-то ей шептал, перегнувшись через стойку. Она понимающе покивала и старательно рассмеялась. Ульфу уже приходилось это наблюдать, и он как-то спросил ее, о чем они разговаривают. «Ему просто нравятся глупые шутки, – ответила она. – В основном вульгарного свойства. Ему кажется, что я нахожу их забавными».

– И это действительно так? – спросил Ульф.

Анна покачала головой.

– Нет, вообще-то. Была пара удачных, но, в общем и целом, они – о людях, попадающих впросак, а сколько можно над этим смеяться? Но он, в общем-то, совершенно безобиден. Немного туповат, но вреда это никому не приносит.

– А мне он никогда ничего не рассказывает, – заметил Ульф.

– Это потому, что ты – мужчина. Какое удовольствие ему рассказывать тебе об одном типе, который... Короче, ровно никакого. Для мужчины рассказать женщине пикантную историю – значит вторгнуться в ее интимное пространство. Не уверена, что мужчины в целом это понимают.

Но пикантные анекдоты, равно как и футбол с инсталляциями, были забыты, стоило Анне пересечь зал и подойти к его столику. Кто-то из компании инженеров кивнул ей, и она улыбнулась в ответ.

– Они, кажется, чем-то ужасно увлечены, – сказала Анна.

– Обсуждают бракованный цемент, – пояснил Ульф. – До меня долетали обрывки разговора. Мафия вроде как подмешивала дешевый цемент при строительстве моста – выдавая его, естественно, за нормальный. А на самом деле это была сахарная пудра.

– Ужас какой!

– Ну, может, и не сахарная пудра, но уж точно не настоящий цемент.

Анна взглянула в сторону инженеров.

⁸ *Objets trouvés* (франц.) – случайные находки.

– Понятно, почему они так взбудоражены, – сказала она; потом снова повернулась к Ульфу.

– Как твои выходные? Ты ведь собирался на какую-то группу, верно?

– Да, – ответил Ульф. – Ничего особенного. Иногда было интересно, но временами – не очень. Один участник сорвался с места и уехал, не прошло и нескольких минут; а еще одна дама все говорила и говорила – ровно ни о чем. Да, и там был один обсессивно-компульсивный пилот.

Анна отпила глоток кофе.

– Понятно. Ну, о чем ты сам говорил, я не спрашиваю.

– Да, в общем, ни о чем таком уж важном.

Это ее не удивило.

– Я лично никогда не верила, что тебе нужно ходить к этому твоему мозгоправу, как там его, доктору... доктору...

– Свенссону.

– Да, к нему. Ну, думаю, по крайней мере это интересно.

Ульф захотелось сменить тему. Его, в общем и целом, не смущало то, что он ходит на психотерапию – кроме как в случае с Анной. Ему нравилось, что она считает, будто ему это не нужно, а еще больше ему нравилось то, что она из-за этого находила его еще более интересным.

– А ты? – спросил он. – Как прошли выходные у тебя? Девочки плавали?

Анна кивнула. Ульф показалось, что вид у нее был какой-то рассеянный.

– У них в кружке были занятия в субботу. И каждая выиграла по одному заплыву: брасс и баттерфляй. Баттерфляй дает большую нагрузку на дельтовидные мышцы; им приходится постараться. Мне кажется, они неплохо справились.

Ульф принес свои поздравления.

– Ты, наверное, очень ими гордишься, Анна. Глядишь, скоро они будут за Швецию выступать.

Комплимент она приняла, но потом нахмурилась.

– Да, может. Может быть.

– Я правда так думаю, – сказал он.

Она отвела взгляд.

– А Джо? – спросил он. – Он в эти выходные работал?

Она поднесла чашку к губам. Ей явно хотелось оставить эту тему. Ульф ждал.

Наконец, она подняла глаза и встретила его взгляд.

– Ульф, можно с тобой кое-о-чем поговорить?

– Конечно. О чем угодно, – он почувствовал, как у него перехватило дыхание. Что-то было не так, и проблема была в Джо. Он ощутил – вопреки всему – радостное волнение. Джо, его соперник... Но потом он сказал себе: «Нет, нельзя. Просто нельзя, и все». – Надеюсь, с Джо все в порядке? Он не заболел?

Она поставил чашку на стол.

– Ульф, ты ведь знаешь, что у нас с Джо – хороший, крепкий брак?

Он постарался не показать, как больно ему было это слышать.

– Да, и я рад за вас, Анна.

– Спасибо, – она немного помолчала. – Понимаешь, мне кажется, что Джо, может быть, с кем-то встречается. Может быть. Не точно, а может быть.

Ульф перевел дыхание.

– Он что, завел роман?

Она кивнула. У нее сделался такой несчастный вид, что он еле удержался, чтобы не взять ее за руку.

– Я знаю: нет ничего хуже ревнивой жены – вечно выискивающей признаки измены и тому подобное. Однако у меня есть кое-какие доказательства, а может, это вовсе и не доказательства... Понимаешь, меня совершенно извели эти сомнения...

– Доказательства?

– Да, – она обратила на него умоляющий взгляд. – Я надеюсь, ты не будешь спрашивать, какие именно.

– Не буду, – быстро ответил он. – Если ты сама этого не захочешь.

– Не захочу, но... Ох, это смешно, просто смешно.

Ульф ждал.

– Я разбирала белье, – начала она.

Он отвел взгляд. Ему совсем не хотелось об этом слушать. Ну почему неверные мужья так глупо себя ведут? Потому что, как правило, они не женаты на детективах, вот почему.

Она понизила голос:

– Я разбирала белье и нашла у него трусах – он носит семейные – сережку.

Этого Ульф проигнорировать уже не мог. Он чуть не подавился кофе.

– Что? В чем?

Анна продолжала с бесконечно несчастным видом:

– Сережку. У него в трусах. И сережка была не моя. Совершенно не в моем вкусе. Она там застряла – застежка запуталась в шве. Поэтому и не выпала, – она подняла на него глаза, как бы призывая его посмеяться. – Представляешь, что я тогда почувствовала?

– Да уж, представляю, – ответил Ульф. – Но, может, существует вполне невинное объяснение. В конце концов, в семейных трусах такое найти весьма странно, – он немного помолчал. – Может, сережка лежала на стуле, а он туда сел. Кто знает.

Она только покачала головой.

– Нет, мне так не кажется. И, кроме того, это еще не все.

Ульф поднял бровь.

– Правда?

– В отделе ограблений работает такой худой парень – знаешь его? Я с ним знакома по комитету по связям с общественностью. Он еще носит очки с синими стеклами. Живет в одном квартале от нас – так уж совпало.

Ульф помнил, но очень смутно. Ему всегда казалось, что аскетичного вида полицейский в синих очках – фигура не слишком характерная для отдела ограблений, где работали в основном крупногабаритные и жизнерадостные офицеры.

– Ну вот, и как-то он обронил, – продолжала Анна, – что просматривал записи с камеры наблюдения, установленной на банкомате. Какие-то мошенники установили на банкомат свое устройство, и им нужно было узнать, кто успел им воспользоваться. Ну, и он мне говорит: «Увидел на экране Джо, пару часов назад. Или, может, его двойника». Вид у него был смущенный: ему явно что-то не давало покоя. Меня это, конечно, заинтриговало, и, поскольку собрание комитета откладывалось, я пошла к нему в офис, и он отмотал запись. Там были мужчина и женщина. Когда они подходили к банкомату, он держал ее за талию.

Она замолчала. К концу рассказа голос у нее дрожал. Он не хотел, чтобы она страдала. Поэтому-то он сдерживался так долго; поэтому отказывался даже думать о том, чтобы хотя бы намекнуть ей на свои чувства; и все это время Джо, подумать только, анестезиолог – мягкий, нагоняющий скуку Джо – ходил по банкоматам с другой женщиной.

К нему вернулся голос.

– Мне ужасно жаль это слышать, Анна. Правда, ужасно жаль.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Вот только я вовсе не уверена, что это он. Изображение было размытое, как это часто бывает. Очень низкое разрешение.

– Так это, может, был вовсе не он?

– Да, может, и не он.

Ульф спросил насчет сережки. Может, она принадлежала кому-то еще и в корзину с бельем упала случайно?

Анна задумалась.

– У нас есть – точнее, была – одна дама, которая помогала нам по хозяйству. Она еще носила довольно яркие украшения. Это она обычно складывала вещи в корзину. Ну, и я тоже.

Ульф улыбнулся.

– Ну, вот тебе и объяснение. Это, должно быть, ее сережка. Спроси ее.

– Она как раз недавно уехала обратно в Манилу, – ответила Анна. – У нее там мать и целый выводок детишек, как мне кажется. Не представляю, как с ней связаться.

Ульф не знал, что на это сказать. Но говорить, как оказалась, ничего и не было нужно, потому что у Анны уже имелся план.

– Те мужчина и женщина, которых сняла камера наблюдения, приехали к банкомату на машине, – продолжила она. – Номер машины в кадр не попал; мы его не знаем. Так что в сухом остатке – только сережка и сомнительное изображение с камеры наблюдения. Не слишком-то много, но достаточно, чтобы у меня появились серьезные сомнения, – она замялась. – Я просто не могу заставить себя это сделать, я... – тут у нее перехватило дыхание, – не могу заставить себя *не доверять* Джо.

Ульф подумал, что за всем этим стоит именно недоверие. Или Анна хотела, чтобы он доказывал невиновность Джо? «Скажи мне то, что мне хочется услышать» – должно быть, в этом состояла ее невысказанная просьба, решил он.

Она бросила на него умоляющий взгляд, и в первый раз Ульф заметил, что глаза у нее были в зеленую крапинку: светлые крапинки на карем фоне. И свет; в глазах у нее был свет, какого он никогда не видел ни у кого другого. А ее кожа – живое сплетение клеток – была ровной и чистой, без малейшего изъяна – может, кроме легкой тени под подбородком, которая, кажется, и вправду была тенью, а не пятном меланина. Ведь мы, подумал Ульф, состоим из химических соединений, из воды, из меланина – химическую формулу которого он, к своему удивлению, помнил наизусть: $C_{18}H_{10}N_2O_4$ – и многочисленного микробиома: настоящего города, живущего внутри нас, думать о котором вообще-то не слишком хотелось. Можно влюбиться в глаза, например, но вот насчет микробиома... И сколько существует песен о сердце – но разве есть хоть одна о микрофлоре толстой кишки?

– Ульф?

– Да. Прости.

– У тебя был какой-то отсутствующий вид.

– Да? Я задумался.

Напряжение последних минут, ее боль от собственного признания, ее нервозность – все это, казалось, исчезло.

– Иногда, – проговорила она, – я вижу вот это выражение у тебя на лице и думаю – что же происходит в этой голове? Иногда так бывает, понимаешь?

Ему было радостно услышать, что она о нем думает; ему никогда не приходило в голову, что это может быть так, потому что она всегда держалась немного отстраненно. Это, наверное, из-за того, подумал он, что ей и так было о чем подумать, в особенности – о ее девочках, об их воспитании и о плавании, об их отношениях с друзьями, о постоянной необходимости возить их в то или в другое место. Родители – это таксисты, – подумал Ульф. Повара, таксисты, личные ассистенты по вопросам здоровья и банкиры: все эти роли родители принимают на себя в результате неодолимого инстинкта, требующего увековечить собственную ДНК. Как странно. Интересно, имеется ли этот инстинкт у него самого? Раньше он как-то об этом не задумывался, но теперь, совершенно неожиданно, он спросил себя: что, если бы у них с Анной был общий

ребенок? Один только этот вопрос погрузил его в радостное волнение. Он почувствовал совершенно незнакомую ему до сих пор нежность. Он бы возил их ребенка на соревнования по плаванию, а потом докладывал бы обо всем ей. Но ведь был еще Джо. У нее была своя, совершенно отдельная жизнь, которая не имела к нему никакого отношения, и он не имел права сделать ничего – *абсолютно ничего*, чтобы ее разрушить.

Она снова нахмурилась.

– Ты для меня это сделаешь?

Он с усилием стряхнул с себя эту мысль – совершенно невозможную мысль о том, что они могут быть вместе, об их ребенке, так неожиданно появившемся на свет – или, лучше сказать, в мире *эйдосов* – на последних секундах увлекшей его фантазии.

– Для тебя я готов на все, Анна. – Слова вырвались у него неожиданно и – он был в этом уверен – нарушили ту границу, которую он сам для себя прочертил. Так что он постарался сгладить впечатление, поспешно добавив: – Я на все готов для друзей – для любого из них.

Эрос превратился в *агапе*: гораздо более безопасное явление.

– Я знаю. Ты всегда очень добр к друзьям. Бедняга Эрик – ты проявляешь по отношению к нему бездну терпения.

– Эрик! – вздохнул Ульф.

И тут она высказала свою просьбу, которой Ульф никак не ожидал.

– Ты сможешь узнать? Сможешь понять, что происходит? Мне нужно в точности знать, кто она такая и когда именно Джо с ней встречается. Мне необходимо это знать – я и сама не знаю, почему, но мне это очень нужно. Время, место. Все, что ты сможешь узнать, – она отвела взгляд. – Это все равно что сдать кровь на анализ, чтобы узнать, что тебя убивает.

Его потрясла эта аналогия; поразило, насколько глубоким было горе Анны. Как если бы погасло само солнце. И это, внезапно подумал он, и есть идеальная метафора любви: солнце. А если так, решил он, то хорошо, что я родился шведом, северянином, и привык уже к этому полусвету: это то, что я выбрал бы для себя сам. Это был момент жалости к себе: чувство, которое он не одобрял в других и не любил в себе самом. Нет, не было никакого смысла об этом думать: я не влюблен в Анну потому, что я себе этого не позволяю. Любовь тоже подчиняется воле; она не приходит к тебе без твоего согласия. И, следуя этой логике, он достиг заключения: Анна – это друг, и ничего больше; друг и коллега.

– Если я дам тебе то, что я нашла, ты сможешь все для меня разузнать, Ульф?

Несколько секунд он молчал. Ему не хотелось этого делать, но он уже знал, какой даст ответ.

– Конечно, сделаю, – сказал, наконец, он.

Она протянула ему конверт, и он вздохнул. Внутри конверта лежало что-то маленькое и твердое: сережка.

Глава четвертая. Натуральная имитация кожи

Они вышли из кафе одновременно с инженерами, которые на ходу продолжали разговор о нестабильности мостов. Бариста помахал Анне, и Ульф непроизвольно нахмурился. Молодой человек целый день торчал за стойкой в кафе, под надзором владелицы, у которой вечно был какой-то несчастный вид: как выразилась Анна, она будто всегда находится в зоне низкого давления. Анна часто прибегала к погодным метафорам, описывая того или другого человека: кто-то был «солнечный», кто-то «пасмурный», кто-то – «бурная личность», а кто-то даже «просто ураган». Надо бы с ним подобрее, решил про себя Ульф и улыбнулся бариста – может быть, немного натужно, и тот сдержанно кивнул в ответ.

Они с Анной пересекли улицу и вошли в здание, где располагался отдел деликатных расследований. В конторе было немного тесно; отдел делил приемную с еще тремя другими полицейскими подразделениями: отпечатков пальцев и анализа ДНК; коммерческих преступлений и транспортной полиции. Все четыре отдела вели полуавтономное существование: от оживленного здания главного штаба их отделяло несколько улиц, и Ульфу казалось, что расстояние со временем только увеличивается. «Коммерческие преступления» держались замкнуто; репутация у них была людей сухих и высокомерных; о них говорили, что они задирают нос. Они уж точно никогда не снисходили до разговоров с отпечатками пальцев и транспортом, которые отлично ладили между собой и были безукоризненно вежливы с сотрудниками Ульфа. Вежливость, впрочем, нисколько не мешала дискуссиям о том, зачем вообще нужен отдел деликатных расследований.

– Все расследования – деликатные, – заметил как-то начальник транспортного отдела. – И я не понимаю, почему это они удостоены особого кабинета и особого отношения.

– Именно, – отозвался начальник отдела снабжения, – на улицах и так вечно не хватает людей. С чего это мы должны ходить на цыпочках вокруг Ульфа и его прихвостней, только бы они разнухивали и дальше свои идиотские недопреступления. Преступления, как же! Да там одни нарушения этикета и все. Пустая трата ресурсов!

Антипатия бюрократов выражалась, как правило, лишь в отдельных саркастических замечаниях.

Но время от времени она прорывалась на поверхность, принимая открытые и враждебные формы. Например, форму очередного свода правил, предназначенных, насколько мог судить Ульф, саботировать работу его отдела.

Заказ расходных материалов был как раз одной из таких областей, где проявлялось это недружелюбное отношение. Начальник снабженцев разработал для этой операции целый регламент, где у каждого отдела имелись свои процедуры и бланки. Так, например, если отделу отпечатков и ДНК требовалось что-либо – от бумаги и карандашей до нового автомобиля, они должны были заполнить бланк, разработанный специально для этого отдела, и то же самое относилось к другим подразделениям полиции Мальмё. У подавляющего большинства подразделений бланки были одинаковые и отличались только номером и шапкой. Сама форма была простой и понятной; всего-то и требовалось, что кратко описать необходимый предмет или предметы, например: «чернила, черные» или «папки, картонные, открытого типа». Но отдел деликатных расследований должен был заполнять бланки совершенно другой формы. Якобы из-за деликатной природы его работы.

Только внимательно изучив бланк, можно было осознать всю глубину враждебности снабженцев по отношению к подразделению Ульфа. Даже константинопольский бюрократ времен расцвета Османской империи не смог бы породить более изощренной и непостижимой системы, целью которой являлось наведение тумана и, может быть, даже саботаж.

– Что-то я не понимаю, как это все устроено, – сказал Ульфу Карл в тот день, когда отделу подсунили новые бланки. – Значит, у нас теперь есть такие специальные бланки, да?

– Выходит, что так, – ответил Ульф, разглядывая инструкцию, экземпляр которой был прислан каждому из них.

– Так вот, – продолжал Карл, изучая свой экземпляр, – здесь говорится, что нам не разрешается указывать названия: необходимо использовать код.

– Да, вижу, – отозвался Ульф, пытаясь вникнуть в смысл инструкции.

Отчаявшись, он передал брошюру с инструкцией Карлу.

– Значит, если мне нужна новая тетрадь, – сказал Карл, – я должен указать соответствующий код.

– Похоже на то, – ответил Ульф. – Но не очень понятно, где, собственно, можно посмотреть этот код.

– В том-то и дело, – сказал Карл. – Вот тут, на странице сорок четыре, говорится, что коды носят конфиденциальный характер. Насколько я понимаю, у нас надежды их получить нет.

– Тогда я не понимаю, как мы вообще можем что-то заказывать, – сказал Ульф.

– Именно. Тут сзади есть список всех кодов, но указатель к ним отсутствует, – Карл перевернул несколько страниц брошюры. – Да, вот они – целая куча номеров, и ни малейшего намека, что они могут означать. Что, например, такое может быть номер 254с – понятия не имею. А ты?

Ульф покачал головой.

– А там есть 254а или, например, b? – старый трюк, подумал он: добавить пару никому не нужных букв к номерам. Самый банальный предмет тут же начинает казаться чем-то особым.

– Нет, – отозвался Карл, – а номера 253, кстати, нет вообще.

– Это просто смешно, – фыркнул Ульф. – Они явно пытаются нам досадить, вот и все.

Карл был с ним согласен. Но ему все еще нужно было заказать бумагу для принтера: бумага полностью вышла. Проблема была, однако, в том, что он и понятия не имел, какой у бумаги код; а когда он позвонил в отдел снабжения, то там сказали, что коды разглашению не подлежат.

– Можно сделать так, – предложил Ульф, – закажем несколько предметов наугад. А потом, когда они придут и окажется, что это не то, что нам нужно, то мы их вернем и закажем что-то еще. В конце концов им надоест постоянно нам что-то отсылать, а потом принимать обратно, и они выдадут нам нормальный список.

Карлу этот план пришелся по душе, и они сообща выбрали – методом тыка – предмет под номером 354/2/d. Был заполнен соответствующий бланк, и в окошечко за подписью «срочно» поставлена галочка.

– Посмотрим, что нам придет, – сказал Ульф. – Кто знает – а вдруг это окажется бумага для принтера?

Поставленная ими галочка, кажется, сделала свое дело: три часа спустя курьер на мотоцикле доставил им из отдела снабжения небольшую коробку. Ульф расписался: требовалось три подписи от двух сотрудников, причем подпись второго заверяла первые две. Поэтому Ульф, дважды поставив собственную подпись, расписался и за Карла, виртуозно подделав его почерк. В отделе деликатных расследований это была обычная практика: все были согласны, что подделка подписи коллеги иногда значительно упрощает дело. Это касалось всех, кроме Эрика, который, будучи делопроизводителем, права подписи не имел.

– Просто абсурд, – заявил Ульф, выводя три подписи подряд. – Кафкианство какое-то.

Карл и Анна, затаив дыхание, наблюдали, как Ульф распаковывает посылку.

– Точно не бумага для принтера, – заметил Карл. – Коробка слишком маленькая.

– Отправим прямиком обратно, – сказала Анна.

Ульф снял последний слой упаковочной бумаги, под которой оказался собачий поводок. Воздев руку с поводком, он торжественно объявил:

– Это и есть, коллеги, предмет под номером 354/2/d.

Карл расхохотался.

– Теперь все ясно. Хочешь бумагу для принтера – не заказывай номер 354/2/d.

Ульф принялся внимательно изучать поводок.

– Это очень хороший поводок, – сказал он. Прищурившись, он прочел надпись, оттиснутую крошечными буквами на коже: – Да, здесь говорится: «сделано в Китае». Вот это сюрприз. Мне это напомнило одну песню Леонарда Коэна – помните, он там еще поет про то, как некая Сюзанна подарила ему апельсины, привезенные из самого Китая. Мне это всегда казалось загадочным. Но смотрите-ка, тут написано что-то еще... – он снова сощурился. – «Натуральная имитация кожи».

Анна хихикнула.

– Как может быть...

– Нет, не нужно цинизма, – прервал ее Ульф. – Имеется в виду, что производитель приложил все силы к тому, чтобы *сымитировать* кожу. Эти слова относятся к их *bona fides*⁹. Эти люди никого не пытаются обмануть: это самая *настоящая* попытка симитировать *натуру*.

Эрик, сидевший у себя за столом, поднял на них глаза:

– Откуда у снабженцев собачий поводок? Разве мы не отказались от собак еще несколько лет назад?

Это заставило Ульфа задуматься. Эрик был прав: подразделение служебных собак было распущено некоторое время назад. Незадолго до того Комиссар полиции объявил, что полицейские силы больше не будут использовать собак для охраны порядка на том основании, что собаки создают у публики неправильное впечатление. Полицейский с собакой – слишком удобная мишень для фотографов из служб новостей, любителей изображать правоохранителей в роли орудия тирании. Шведский полицейский с оскаленным псом, рвущимся с поводка, может при всех своих благих намерениях выглядеть как фигура из кошмарного сна либерала. Объявление Комиссара полиции вызвало волну насмешек и критики, как среди гражданской публики, так и у самих полицейских. Среди политиков, недовольных этим решением, был и родной брат Ульфа, Бьорн Варг, глава партии «Умеренных экстремистов». Бьорн опубликовал заявление, в котором он призывал государство тратить больше денег на тренировку большего количества собак, которые кусали бы больше людей, – «но, конечно, только тех, кто этого заслуживает». Типичная для умеренных экстремистов позиция, подумал тогда Ульф не без некоторого смущения.

Но его брат, однако, на этом не остановился. «Уж если Комиссар считает, что крупные породы – немецкие овчарки или доберманы – могут создать у общественности неправильное впечатление, то почему бы не заменить их на менее агрессивных собак? Прекрасно подойдут, к примеру, пудели. Или таксы. Существует множество пород, которые не производят такого пугающего впечатления, как нынешние полицейские собаки».

Это *reductio ad absurdum*¹⁰ вызвало у многих улыбку, и, опять же, не только у гражданских.

– Не могут же полицейские силы постоянно ходить на цыпочках вокруг общественности, – обиженно заметил тогда Карл. – Либо мы – полицейские *силы*, либо какие-то *консультанты*. Так или иначе предполагается, что мы должны применять *силу*, и от этого никак не отвертеться.

⁹ Bona fide (лат.) – добросовестность, честные намерения.

¹⁰ Reductio ad absurdum (лат.) – доведение до абсурда. Риторический прием, когда аргумент противника развивается до тех пор, пока не становится очевидным его абсурдность.

Ульф вспомнил об этом, размышляя над словами Эрика. Да, кинологические службы были распущены, но у него было ощущение, что полицейские собаки все-таки где-то остались. Может, они теперь работают под прикрытием – например, в уголовной полиции... При этой исключительно нелепой мысли он улыбнулся.

– Тебя что-то щекочет? – спросила Анна.

Ульф посвятил ее в свои размышления.

– Я тут просто подумал, как полицейские собаки могут работать под прикрытием? Ну, в штатском. Они, должно быть, переодеваются кем-то еще? Например, кошками? Или, может, овцами, или козами, а потом как залают – и выдадут себя.

Анна только отмахнулась, но было видно, что мысль ее позабавила. Ей ужасно нравилось Ульфово чувство юмора и непредсказуемые полеты его фантазии. Большинство мужчин воспринимает все настолько буквально, – да и большинство женщин тоже, если уж на то пошло. Поэтому ее всегда радовало и удивляло, когда кто-то умудрялся разглядеть абсурд в самой прозаической ситуации. И у Ульфа это получалось, а вот Джо всегда воспринимал все исключительно серьезно.

И тут Ульф вспомнил.

– Аэропорт! – воскликнул он.

Карл поднял на него недоумевающий взгляд.

– Что насчет аэропорта?

– Мы все еще используем там собак. Ищейки. Я тут говорил недавно с одним инструктором.

Загадка, почему в отделе снабжения имеются поводки, была раскрыта, но ответа на вопрос, что им теперь делать с присланным поводком, так и не было. Анна напомнила коллегам об их плане саботировать систему.

– Отошлите его обратно, – сказала она.

– Да, – ответил Ульф. – Я так и сделаю. Приложу записку, что у нас, мол, создалось впечатление, будто в отделе имеется собака, но оно оказалось ложным.

– У снабженцев чувство юмора отсутствует, – предупредила его Анна. – Я с ними общалась. Исключительно мрачные типы. Бледные и вообще вроде троглодитов.

– Тогда отошлю просто так, без записки, – сказал Ульф и сунул поводок в карман. Он решил, что сделает это попозже, когда у него будет время. Потому что у него на экране только что появилось сообщение из приемной: там его ждала некая дама. Посетительница отказалась сообщать, какое дело привело ее сюда, и имя свое тоже называть не желала, но настаивала на том, что должна встретиться с Ульфом, и ни с кем другим.

«Я сейчас подойду в комнату для собеседований, – написал в ответ Ульф. – Дайте мне пять минут».

Когда Ульф вошел в комнату для собеседований, посетительница уже ждала его там. Она сидела на «гостевом стуле», как его называла Анна, и молча, не сводя глаз, смотрела на картину, висевшую на стене. Это была репродукция пейзажа *plein-air*¹¹ кисти Андерса Цорна¹², с тремя купальщицами, одна из которых была полностью обнаженной, а другие две – облачены в полупрозрачные одеяния. Репродукция была приобретена Ульфом во время визита в Гётеборгский художественный музей и в свое время стала объектом голосования среди сотрудников отдела.

– У меня возражений нет, – заявила Анна. – Не вижу здесь потребительского отношения к женщине.

¹¹ Plain-air (франц.) – живописный термин, означающий, что произведение писалось на свежем воздухе, с натуры.

¹² Андерс Цорн (1860–1920) – шведский живописец, известный, главным образом, своими портретами.

Но у Карла оставались сомнения.

– Но стоит ли вешать подобное изображение в комнате для собеседований? Не стоит забывать, с какими типами приходится иметь дело. Это может... Они могут...

В кабинете повисло молчание.

– Они могут – что? – спросила, наконец, Анна.

Карл покраснел. Ульф давно заметил, что Карл по натуре был немного пуританин. Старомодная черта, учитывая, сколько многим сегодня безразличны принятые в прошлом правила поведения – взять хотя бы отношение к нецензурным выражениям.

– Это может пробудить в них нездоровые страсти, – пробормотал себе под нос Карл.

Анна хихикнула.

– Да ладно, Карл! Только посмотри, что можно найти онлайн всего за пару кликов. Ты что, правда думаешь, что сцена купания из девятнадцатого века может пробудить в ком-то нездоровые страсти?

Ульф совершенно не хотелось навязывать кому-либо свой выбор в искусстве.

– Ничего страшного, – поспешно сказал он. – Если тебе не нравится, я заберу репродукцию домой. Можно найти что-нибудь более привычное, если хотите. Какой-нибудь мейнстрим. Как насчет «Крика»? Уверен, Мунк окажет самое благотворное воздействие на наших наиболее нервных посетителей.

Но Анна была решительно настроена за Цорна.

– Нет, мне он решительно нравится, – заявила она. – Нам же нужно нечто мирное и доброе, верно? Чтобы наши посетители прониклись ощущением покоя?

– И доверием к нам? – спросил Ульф.

– Именно, – она немного поразмыслила. – Предлагаю голосовать. Ведь именно так они решали дела в этих самых академиях, да? Когда решали, что повесить на стенку, а что – нет?

Ульф подтвердил, что именно так оно и было. Его интерес к скандинавскому искусству распространялся и на аутсайдеров: каким именно образом к художнику приходило признание – или забвение.

– Тогда я голосую за то, чтобы мы повесили эту картину, – сказала Анна и посмотрела на Ульфа.

– Мне правда не хочется, чтобы Карл чувствовал себя неловко, – сказал он. – Понятное дело, нужно, чтобы нашим посетителям было спокойно – но как насчет нас самих?

Тут Карл поднял руку.

– Я голосую «за», – сказал он. – Вы меня убедили.

– Единогласно, – объявила Анна. – Вешаем.

Мнения Эрика никто спрашивать не стал. Он отвечал за документооборот и прочую секретарскую работу и права голоса ни в каких делах подразделения не имел. К Блумквисту тоже обращаться не стали – в конце концов, он был всего лишь прикомандирован к отделу. И в любом случае Блумквист был обычный участковый, мнения которого никто никогда не спрашивал – он даже не был включен в текущую рассылку. Ульф хотел было внести его в списки, но, к своему удивлению, столкнулся с отказом самого главы всего их подразделения, заместителя Комиссара по уголовным расследованиям и своего непосредственного начальника.

– Мне не очень нравится, когда нам кого-то навязывают, – признался он как-то Ульфу. – Знаю, этот Блумквист каким-то образом привлек внимание Альбёрга, но я лично совершенно его не выношу, и не хочу, чтобы он, так сказать, пустил у нас корни.

Ульф решил попробовать замолвить за Блумквиста словечко.

– Он, конечно, человек разговорчивый, – начал было он. – Но...

– Это еще мягко говоря, – вставил заместитель Комиссара.

– Но, вообще-то, – продолжил Ульф – Он неплохо информирован.

– Насчет чего? – резко возразил его начальник. – Насчет цен на детские жилеты? Или про последние достижения в витаминной терапии? Неплохо информирован насчет всякой околону научной чепухи, если хотите знать мое мнение.

Ульф колебался. Заместитель Комиссара был не тем человеком, с которым стоило вступать в пререкания. Но Ульфу было неловко наблюдать, как кому-то ломают карьеру только из-за того, что этот кто-то излишне разговорчив.

– Блумквист блестяще проявил себя в целом ряде расследований, – решился, наконец, он. – У него нюх на решение самых сложных проблем. Такое ощущение, что он каждый раз натывается на разгадку по чистой случайности.

Заместитель комиссара издал пренебрежительный звук. Ульф с Анной как-то попытались проанализировать этот звук и решили, что лучше всего передать его как «пфвау». И теперь заместитель Комиссара как раз и сказал: «Пфвау» – и вдобавок покачал головой.

– Все время натываться на что-то по чистой случайности невозможно, – добавил он. – Решение либо проистекает из логических предпосылок, либо это просто чутье. Уж, конечно, вы это понимаете, Варг. Вы всегда казались мне исключительно рациональным человеком.

Теперь же Ульф вошел в комнату для собеседований и при виде посетительницы вздрогнул: он узнал в ней Эббу. Обернувшись, она улыбнулась.

– А я тут наслаждаюсь искусством. Это ведь Цорн, верно? Мне они всегда ужасно нравились – Цорн и Карл Фредерик Хилл.

Ульф был приятно удивлен, что она разбирается в живописи.

– Да, – ответил он, – это Цорн.

А потом добавил:

– Некоторые находят странным, что в полицейском учреждении могут висеть на стенах картины. Их это удивляет.

– Меня – нет, – сказала Эбба. – Я думаю, в каждом общественном здании должно быть выставлено искусство. Кроме того, у вас ведь не совсем обычное полицейское подразделение?

– Не совсем, – ответил Ульф. – У нас довольно специфические задачи, – он немного помолчал. – Я рад вас видеть. Но это частный визит – или профессиональный? Прошу прощения за вопрос, но от нас требуют заносить посещения в журнал.

– Это профессиональное, – быстро ответила она.

Ульф ощутил некоторое разочарование. Но, опять же, она уже упоминала, что у нее кто-то есть, так что надеяться было особенно не на что.

Он сел напротив нее.

– Что ж, как я могу вам помочь?

Она ответила не сразу; наконец, понизив голос, она, запинаясь, сказала:

– Понимаете, человек, с которым я живу...

Он кивнул.

– Да, вы его упоминали. Нильс – так, кажется, вы сказали, его зовут.

Ее явно удивило, что он запомнил эту деталь.

– Вас, наверное, тренируют запоминать подобные вещи, – сказала она. – Я-то забываю имена практически сразу же, но при вашей профессии это наверняка было бы страшно неудобно.

Ульф рассмеялся.

– Да уж. Было бы странно, задавай мы людям вопросы вроде: «Понимаете, мы разыскиваем этого... Как его там?» Мне кажется, это вряд ли сработало бы.

– Моего партнера зовут Нильс Персонн-Седекстрём.

Назвав это имя, она замолчала и поглядела на Ульфа; было ясно, что она ожидает какой-то реакции. Почему? Может, он должен был как-то отреагировать на имя – вполне рядовое

имя для, скажем, представителя высших слоев шведского общества? Седерстрёмы регулярно фигурировали в разделе сплетен в журнале, который Ульф читывал в приемной у своего стоматолога. Они посещали всевозможные вечеринки и мероприятия – открытия выставок, например. А один Седерстрём участвовал в важной дипломатической миссии за океаном. И тут он вспомнил. Ну конечно: Нильс Персонн-Седерстрём был тот писатель, о котором трещали все газеты вот уже лет десять подряд. «Шведский Хемингуэй» – так они его называли.

– *Тот самый* Нильс Седерстрём? – спросил он.

Она опустила глаза.

– Да.

На Ульфа это произвело впечатление.

– Он ведь очень известен, верно? Не только у нас, конечно, но и в Германии, Америке, Англии... Я слышал, они там обожают его книги.

Она слегка наклонила голову, принимая комплимент:

– Он хорошо пишет, да.

Ульф попытался припомнить, что же еще он читал о Седерстрёме. Да, точно: Седерстрём был этакий плохой парень – он много пил, дрался и ухлестывал за женщинами направо и налево. Поневоле напрашивалось неприятнейшее предположение: склонность Седерстрёма к насилию проявляла себя и дома.

– Ваш партнер поднял на вас руку? – осторожно спросил он.

– Нет, конечно, нет, – быстро ответила она. – Ничего подобного. Наоборот, в этом случае он – жертва. Поэтому-то я к вам и пришла.

– Жертва чего?

– Шантажа. Я обнаружила, что он потихоньку перечисляет кому-то деньги. Когда я спросила его об этом напрямую, он уклонился от ответа. И тогда я ему сказала: «Тебя шантажируют?», а он ничего не ответил, но я сразу поняла, что попала в точку. У него сделался ужасно виноватый вид.

Ульф откинулся на спинку стула.

– Можно спросить: почему он не явился сюда лично, чтобы подать жалобу?

У Эббы сделался смущенный вид.

– Потому, что он так и не признался, что его шантажируют. Я узнала о платежах, которые уходят куда-то с его счета. Но он вообще отказывается о них говорить! Хуже того: признай он даже, что его шантажируют, он все равно не стал бы ничего по этому поводу делать.

– А можно спросить: почему?

Разумеется, Ульф полагал, что уже знает ответ: в большинстве случаев жертвы шантажа даже и не мечтают о том, чтобы пойти в полицию – потому, что не хотят раскрывать ту самую тайну, которую узнал о них шантажист.

– Думаю, потому, что он не хочет никакой огласки, – сказала Эбба. – Нильс – знаменитость, как вы уже знаете. А знаменитые люди часто стремятся избежать огласки – то есть, если это возможно.

– А бывает, что и наоборот, – возразил Ульф. – Помните несчастную леди Ди? Она, бывало, специально звонила журналистам, чтобы сказать, что не желает никакой огласки. Довольно странно.

– Нет, мне кажется, Нильс – не такой, – ответила Эбба. – Это совсем не в его духе, – она немного помолчала. – Это я хочу повлиять на ситуацию. Мне нужно остановить этого шантажиста, кем бы он ни был.

– Хорошо, – сказал Ульф. – Но, как правило, мы стараемся не начинать расследование, если этого не хочет сам потерпевший.

Эбба подалась вперед.

– Но вам же наверняка приходится расследовать подобные случаи. Как насчет жертв домашнего насилия? Они довольно часто отказываются давать показания – по крайней мере, я об этом слыхала.

Ульф было хорошо известно, что она права. Когда он еще только начал работать в полиции, ему пришлось иметь дело с целым рядом подобных случаев – и всякий раз ему с трудом удавалось сдержаться. Муж – а, как правило, это был муж – маячил где-то на заднем плане, самодовольно ухмыляясь, пока его запуганная жена твердила историю, которую он ей скормил. Нет, ее муж никогда бы не поднял на нее руку; нет, она просто «упала с лестницы» – или, если с воображением было совсем уж туго, то «ударилась о дверную ручку». Ульф кипел от ярости; он терпеть не мог любителей издеваться над слабыми, и больше всего ему хотелось познакомиться очередного мерзкого супруга с одним своим коллегой по имени Стиг, который некоторое – довольно короткое – время был чемпионом Швеции по боксу в среднем весе. Стиг, конечно же, был всей душой против насилия, кроме как на ринге, и, бывало, разочаровывал своих не столь деликатных коллег, сторонников «мягкого убеждения», как они это называли: метод, который обычно применялся против асоциальных тинейджеров – любителей граффити, стихийных расистов, вандалов, – которым, как правило, не хватало отцовской руки, по причине отсутствия отцов. Ульф эту практику никогда не поддерживал.

– Домашнее насилие – это всегда сложно, – сказал он. – Мы, как правило, знаем, что происходит – информация доходит до нас разными путями, – но бывает, что с нами просто отказываются сотрудничать. В самых серьезных случаях мы готовы все-таки возбудить дело, хотя приговора добиться практически нереально, если жертва насилия отказывается давать показания.

Эбба вздохнула.

– Мир далек от совершенства, правда?

– Очень далек, – согласился Ульф.

Тут Эббе в голову пришла новая мысль.

– А что, это всегда – муж?

– Как правило, да, – ответил Ульф. – Но был у меня один случай, когда жертвой оказался мужчина. Нас вызвали соседи: они слышали шум. Мы приехали и обнаружили этого несчастного – у него под глазом был синяк размером с хорошую сливу; кроме того, он был в ужасном расстройстве. Помню, я заметил, как у него дрожали руки. Он был профессиональный саксофонист – и, должен сказать, очень неплохой... – тут он осекся. Эту деталь ему упоминать не стоило, здесь пахло нарушением конфиденциальности: в Швеции было не так-то много известных саксофонистов.

Эбба правильно истолковала его замешательство.

– Не беспокойтесь, вы не сказали ничего, что позволило бы мне понять, кто он, – она немного помолчала. – К тому же я не люблю болтать, – тут она опять замолчала. – Я так понимаю, вы тоже? То есть при вашей работе. Я имею в виду...

– Уверяю вас, так оно и есть, – прервал он ее. – Эта оговорка вырвалась у меня случайно, и такое происходит очень редко. Даю вам слово.

Это ее явно успокоило.

– Ну, как я уже говорила, Нильса кто-то шантажирует. Он мне практически в этом признался.

– Да, но нам понадобятся какие-то доказательства. У вас они есть?

– Разве то, что я вам рассказала, – не достаточное доказательство? – нетерпеливо спросила она.

Ульф ответил, что он несколько не сомневается в ее словах, но, чтобы открыть дело, должно быть еще что-то – в дополнение к ее показаниям.

– Нам понадобится доказательство, приемлемое в глазах закона.

– А вы разве не сможете найти его сами? Это же ваша работа?

Ульф ответил не сразу. Недавно он был на собрании старших следователей, где, среди прочего, обсуждали, что в последнее время статистика нерасследованных дел стала объектом пристального внимания со стороны некоторых политиков. В том числе вопросы возникли и у его брата Бьорна, лидера партии «Умеренные экстремисты». У умеренных экстремистов имелись соображения относительно закона и порядка, которые они не стеснялись высказывать в прессе. Соображения эти заключались в том, что полиция нагло берет на себя роль прокуратуры заодно с правосудием, решая, какие преступления расследовать, а какие – нет. Было бы крайне неловко, оказался Ульф в числе полицейских, пренебрегших расследованием такого серьезного преступления, как шантаж.

Он принял решение.

– Хорошо. Я этим займусь.

– Я рада. И спасибо вам.

– Мне понадобятся кое-какие подробности и... – тут он поднял на нее вопросительный взгляд. – Вы ведь понимаете, верно, что мне придется узнать, в чем состоят угрозы шантажиста? Другими словами, мне станет известно, чем именно шантажируют вашего партнера. Может, речь идет о преступлении? Может, шантажист знает что-то, от чего у Нильса могут начаться проблемы с полицией... с нами?

– Это невозможно, – ответила Эбба, даже не задумавшись. – Абсолютно невозможно.

– Но должно же быть что-то – даже если это не преступление.

– Мне все равно. Вряд ли меня что-то шокирует.

Ульф немного поразмыслил. Если все, что он смутно помнил из статей о Нильсе Седерстрёме, было правдой, то – очень вероятно – Эббе стоило верить: уже ничто не могло ее шокировать, когда речь шла о Нильсе.

Может, дело было именно в этом: есть люди, которые любят вопреки.

– Не могли бы вы дать мне контакты кого-нибудь из его друзей? – спросил он. – Чтобы было, от чего отталкиваться.

– А вы не станете рассказывать им о шантаже?

– Нет. Я представлю это как рутинный опрос – например, как сбор информации для какого-нибудь побочного расследования. – Ульф на секунду отвел взгляд; подобные уловки были ему не по душе, но порой без них было никак не обойтись. Цели и средства, подумал он, – бывали случаи, когда цель оправдывала средства, что бы там ни говорили пуристы. – Что-нибудь в этом роде. Всегда могу сказать, что Нильса рассматривают на какую-нибудь общественную должность, – тут он опять опустил глаза; чем подробнее и детальнее становилась ложь, тем она казалась отвратительнее. И он добавил: – Ну, это, может, уже чересчур.

Эбба встала.

– Вы очень добры, – сказала она. – Я ценю в людях доброту.

Провожая ее, он думал: она говорит, что ценит доброту, и все же живет с человеком, который, кажется, никак ее не проявляет. Это было странно; с другой стороны – если вдуматься – уж если живешь со злодеем, то, наверное, начинаешь тянуться к доброте, когда повезет с ней столкнуться. Да, так оно и есть, решил он; добряки для нее были противоположностью того мужчины, с которым – в силу апатии или из страха – она себя связала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.